

Владимир
Ларионов
Маргарита
Городова

Древнейшая
история
Руси

СВЯЩЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

Владимир Ларионов
Священное наследие

«Алисторус»

2010

Ларионов В. Е.

Священное наследие / В. Е. Ларионов — «Алисторус», 2010

Авторами проведено фундаментальное философское исследование. Вопросы истории, философии и теории древнерусской архитектуры осмысливаются как неотъемлемые от вопроса самой сути возникновения феномена Святой Руси. Это серьезное и многогранное исследование не только в области архитектуры, но и духовной сущности истории и культуры. Современных архитекторов, проектирующих в исторических городах, эта книга может подвигнуть на переосмысление своих архитектурных творений, поможет впитать традиционные формы творческого метода, дабы своими произведениями следовать стопами исторической памяти и не причинить вреда древнему духу «города-дома». Книга является напоминанием соотечественникам об изначальной сути нашего общего «дома» – образа-дома, дома-града, града-Руси. Триединства – прошлого, настоящего и будущего.

© Ларионов В. Е., 2010

© Алисторус, 2010

Содержание

Благодарность	6
Кризис современности и актуальность «архаики»	9
Священные основы русской государственности и культуры	15
Книга 1	24
Ангел русского народа	25
Мифологический текст	32
Два русла духовной истории человечества	35
Национальный идеал	39
Духовные стражи народов	41
О нашей исторической зрелости	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Владимир Евгеньевич Ларионов,
Маргарита Николаевна Городова
Священное наследие**

Книга подготовлена при поддержке группы компаний «Аури»

Благодарность

Считаем своим приятным долгом выразить глубокую благодарность всем наставникам, коллегам и друзьям, которые своим доброжелательным отношением способствовали работе над книгой и выходу ее в печати: архиепископа Ярославского и Ростовского Кирилла, благословившего этот труд; Окрояна Мкртыча Окроевича, доброжелательное отношение и поддержка которого к исследованиям авторов привели к выходу в печать этой книги и явились основной опорой для дальнейшего развития темы; доктора искусствоведения, профессора Московского архитектурного института (Государственной академии) Глазычева Вячеслава Леонидовича, мудрое и тонкое участие которого в судьбе исследования стало ценнейшим фактом реализации этого проекта; иерея Николая Ненарокова, который своими беседами и консультациями оказал неоценимую поддержку в ходе изысканий; кандидата философских наук Марию Равильевну Ненарокову, энергичность и творческий энтузиазм которой всегда были примером в работе; кандидата архитектуры, исследователя древнерусского градостроительного искусства Мокиева Геннадия Яковлевича, внимательного наставника и друга, творческий опыт которого многие годы был неоценимым образцом в исследовательской работе; Зуева Игоря Валентиновича оказавшего содействие и искреннее участие в судьбе данной темы; кандидата культурологии Абрамова Дмитрия Михайловича, взявшего на себя труд предварительного прочтения текста и выказавшего ценные рекомендации по стилистике и композиции; Вячеслава Валерьевича Денисова, любезно способствовавшего работе по утверждению темы исследования. Выражаем глубокую признательность всем родным и близким, тепло и любовь которых вдохновляли наши искания.

Авторы

Авторами проведено фундаментальное философское исследование. Исследованные вопросы истории, философии и теории древнерусской архитектуры осмысливаются как неотъемлемые от вопроса самой сути возникновения феномена Святой Руси. Это серьезное и многогранное исследование не только в области архитектуры, но и духовной сущности истории и культуры. Современных архитекторов, проектирующих в исторических городах, эта книга может подвигнуть на переосмысление своих архитектурных творений, поможет впитать традиционные формы творческого метода, дабы своими произведениями следовать стопами исторической памяти и не причинить вреда древнему духу «города-дома». Книга является напоминанием соотечественникам об изначальной сути нашего общего «дома» – образа-дома, дома-града, града-Руси. Троиединства – прошлого, настоящего и будущего.

Коваленко Ольга Николаевна,

архитектор-реставратор, ведущий архитектор хранительской службы Софийского собора Великого Новгорода 2004–2008 гг., главный специалист-архитектор ООО ПСП «РестАрт» (Великий Новгород).

Царьград. 9 мая 2009 года. Встреча с Вселенским Патриархом Варфоломеем. Патриарх был ознакомлен с целями и задачами нашего научного поиска и одобрил наши начинания.

Исследование В.Е. Ларионова и М.Н. Городовой по широте охваченного материала и степени фундированности определенных его частей, несомненно, представляет собой чрезвычайно интересное явление отечественной историософской мысли. Авторы умело синтезируют различные проблемные поля, актуализированные как в русской историософии (А.С. Хомяков, Н.Я. Данилевский), так и западном историцизме традиционалистского направления (Ю. Эвола), незримо ощущается творчески осмысленное влияние таких классиков философии и истории, как А.Тойнби, О. Шпенглер, историко-поэтический стиль отдельных фрагментов исследования заставляет вспомнить и о Д.С. Лихачеве, чей неповторимый стиль не может не оказывать влияния на любое серьезное исследование, касающееся древнерусской культуры. При чтении работы формируется устойчивое ощущение глубокого погружения автора в изучаемые им темы, сопряженные с искренней и нелицемерной любовью к предмету исследования. Главным достоинством книги следует признать попытку проследить духовную традицию русского народа в ее непрерывности от дохристианских (и даже доисторических) времен, через просвещение Светом Христовой Истины, вплоть до настоящего времени. Целостность и непрерывность национальной традиции являются стержнем исследования, вокруг которого автор развивает ряд сопутствующих тем. Фрагментарность историософских прозрений последнего времени делает настоящую работу еще более ценной, поскольку опыт национального исторического бытия с неизбежностью ведет нас к осознанию необходимости целостно-концептуальных

интерпретаций духовных составляющих истории. В этом отношении данная книга позволяет надеяться, что русская историческая мысль стоит на пороге того историософского синтеза, который столь необходим ей в нынешнее судьбоносное время. Знакомство с настоящим исследованием позволяет предположить, что авторам удастся внести заметный вклад в формирование новой историософской парадигмы.

Архиепископ Ярославский и Ростовский Кирилл

Кризис современности и актуальность «архаики»

Мы живем в такое время, когда многие понятия изменяют смысл на противоположный. Однако пользоваться этими понятиями мы продолжаем, как будто они все еще выражают ту, исконную сущность, с которой они были по смыслу сопряжены.

Что кроется сейчас за такими понятиями, как традиция, народ, государство и производные понятия, такие, как народная собственность или государственная собственность, нам остается только смутно догадываться. В нашей книге речь пойдет об исконных значениях этих и многих других понятий. Тем не менее необходимо разобраться, что эти понятия значат сейчас и кто управляет этими смыслами себе в угоду.

Тема не затрагивает экономическую сферу жизнедеятельности нации. Хотя эта жизнедеятельность, будучи рассмотренной через призму традиционных смысловых кодов, представляет несомненный интерес.

Повсеместно распространенным суеверием сегодня является мысль о том, что изменение финансовых схем, форм собственности, экономических механизмов в хозяйственной жизни общества, тут же, автоматически создаст предпосылки для новых, более гибких, современных форм государственности и общественного устройства.

Так никогда в истории не было и никогда не будет. Это все равно, что ожидать, что правильное распределение собранного с поля урожая автоматически улучшит сорт злаковых и плодородность почвы.

Только изначально верно выстроенные общественно-политические отношения в обществе способны породить здоровую экономику, но никак не наоборот.

Например, одна мысль, что народ как законный коллективный собственник государственных недр должен пользоваться всеми правами собственности на это по праву принадлежащее ему богатство, сразу наводит на мысль о том, а каков вообще механизм пользования этой специфической собственностью этим специфическим, по своей коллективной природе, собственником. Вне справедливого политического строя, который есть действительно строй общенародный, нет механизмов возможной реализации своего права народом, и нет сил, ни в обществе либеральном, ни в обществе коммунистическом, которые могли бы выработать и практически реализовать не только механизмы, но и политически оформленную государственную волю, для предоставления народу прав на участие в полноценной хозяйственной жизни, в которой он есть субъект и действительный и законный правообладатель на богатства своей страны.

Кто может являться гарантом экономического и других интересов общества, сели и само общество сегодня не представляет у нас единого политического организма. Как может это общество получать преференции от хозяйственной деятельности и финансовых механизмов экономического стимулирования самой этой деятельности, не имея ни политического голоса, ни политической единой воли, не обладая возможностью контроля за деятельностью замкнутой корпорации, приватизирующей права на управление государственным организмом, нашедшим свое исторически обусловленное оформление в политических и географических границах России, превращающая само государство в механизм реализации личных эгоистических стремлений?

Современная либеральная мысль, не смущаясь фактами, вопиющими об обратном, утверждает, что сама демократическая система есть гарант народного участия в политической и экономической жизни страны, гарант контроля за органами власти. Но ведь опыт последних двух столетий, у нас и в Европе, показал, что именно в этой политической системе закономерно зарождается и крепнет та структура, которая позволяет замкнутому сообществу эгоистов узурпировать в свою пользу весь государственный организм, оставив народам лишь иллю-

зию соучастия в политической судьбе страны, иллюзию контроля за властью, за правилами и нормами хозяйственной и финансовой деятельности руководящего слоя.

В последние десятилетия не было более популярной политической темы, чем демократия. Но не было сказано самого главного о ней. Демократию определяет не форма государственной власти, а степень соучастия народа в политической жизни страны, в государственных делах, в своей судьбе.

Самым демократичным строем в нашей истории была монархия московского периода. Самым недемократичным строем рискует оказаться наша современность, разделив лавры первенства с ленинско-сталинским «беспределом».

Двадцатый век наглядно продемонстрировал, что вариантом коллективной узурпации власти над государственным организмом может выступать и единоличная диктатура, которая вообще не рассматривает народ в качестве даже гипотетической политической силой, как организованный политический субъект государства.

Так где же выход из замкнутого линейного пространства, ограниченного двумя обрывами в пропасть, с одной стороны коммунизмом, с другой либерализмом, – близнецами антагонистами одной матери? Где те формы власти и экономики, которые позволят нам вернуть свое человеческое достоинство и наши неотъемлемые политические права на соучастие в подлинно государственной жизни, в справедливом хозяйствовании в стране, в которой особым Промыслом Свыше нам суждено было родиться.

Историю нельзя растворить в экономике. Это опасное занятие привело человечество к кризису цивилизации, где финансовый кризис есть лишь последнее звено распада. Современное, столь модное, экономическое мышление – есть самая низшая ступень в истории среди различных систем человеческой мысли в попытке осмыслит свое место в универсуме. В экономизме материалистическое видение мира достигло своего низшего предела и даже вышло за его границы, когда современные экономические модели не только объявляют убыточным производственную, хозяйственную деятельность по производству товаров реального сектора, но и вообще делают нерентабельной и ненужной производительную хозяйственную деятельность человека. Дальше ехать некуда.

Поэтому, мы и позволили себе сказать несколько слов о традиционном взгляде на экономические проблемы социума, учитывая крайне большое, хотя и незаслуженное внимание кругу этих вопросов в сегодняшнем мире.

Вернемся немного назад. Чтобы установить определенную смысловую нагрузку за понятиями государственная и общенародная собственность, хорошо бы установить, кто у нас является субъектом экономического права и экономики как таковой.

Если мы заглянем за ответом в Конституцию – главный закон страны, то нас будет ожидать глубочайшее разочарование. Субъектом права, в том числе и экономического в конституции является и индивидуум, и свободная личность, и народ и даже малые народы, которые имеют некоторые преференции пред всеми вышеуказанными «субъектами» права.

Кто же из них единственный и настоящий правовой субъект, в том числе и экономический, вот именно это узнать из основного закона нет никакой возможности, как и нет удовлетворительных дефиниций вышеозначенных субъектов. Наличие малых народностей, которые взяты Конституцией под особую защиту, вообще смущает. Чем малые народности столь отличны от больших, что непременно должны иметь перед последними преимущества, толково никто объяснить не может. Причем, такие преимущества неминуемо оборачиваются поражением в правах государствообразующего народа. Более того, не очень понятно, о каких народностях идет речь.

То ли малые народы – это жители бескрайнего Севера, длительное время не могущие совершить прыжок по указке свыше из первобытнообщинного строя прямиком в светлое соци-

алистическое или либерально-демократическое будущее, минуя фазу тяжелого запоя, ведущего к деградации.

То ли под малым народом необходимо понимать паразитарную общность паразитарного характера, о которой столь много писал И.Р. Шафаревич.

Вообще говоря, субъектом экономики не может быть индивидуум. Сама экономика возникает на стыке коллективных человеческих отношений. Разумеется, субъектом таковым был, и быть должен – народ. Что есть народ сейчас и есть ли он вообще, вот вопрос вопросов, который нам предстоит исследовать.

Народ не может быть категорией абстрактной, не может быть и чисто математической, т. е. измеряться количеством электората или работоспособных единиц, не может даже ограничиваться полноправными гражданами государственного образования.

В рамках чистого экономизма, народ как таковой вообще выпадает из понятийного поля. Он становится категорией более чем условной, и максимально эмансипированной сейчас от вопросов связанных с правами собственности.

Здесь мы подходим к главному вопросу сегодняшнего дня.

Вопреки суеверию масс, экономика не есть первичная субстанция, которая управляет жизнью на земле. Печально видеть, как люди, слепо верившие, что двигателем истории является борьба классов, потеряв эту веру в очередях за дефицитом, тут же уверовали в экономику и борьбу экономических интересов на поле дикого самоуправляющегося рынка как новое божество.

Причем, никого не смущало очевидное обожествление абстракции под названием рынок. Пантеистический предрассудок превратился в манию. Все стали объяснять через рынок, приписав ему настроение, капризы и другие атрибуты живой личности.

Встав, в результате этого суеверия, вровень с дикарями Полинезии, адепты рынка возомнили себя вершиной цивилизационного развития человечества. В действительности, вера в рынок абсолютно сопоставима с карго культурами дикарей, которые описывал Мирча Элиаде.

Бегая голышом по пляжам Полинезийских островов, аборигены были уверены, что их вечная нищета по воле божества когда-нибудь закончится, явится избавитель и не какой-то там духовный вождь, а настоящий Санта-Клаус с мешком подарков каждому! Для гарантированного будущего общества достатка и изобилия достаточно было уже сейчас, в нищете и лени, верить в Санту, а главное – в его волшебный мешок, и все само собой свершится. Такова и вера сегодняшних дикарей Западной цивилизации в рынок.

Экономика – есть свойство, функция жизни человека, но не первопричина и не цель ее. Это надо помнить всегда. Именно по этой причине, наша книга не об экономике, а о вещах неизмеримо более важных для жизни народа и каждого человека в отдельности.

Кризис современного мира, разразившийся в сфере финансов и захватывающий все новые и новые области социально-экономических отношений, начался, на самом деле, очень давно. Если говорить о чисто финансовой стороне дела, то первые тревожные сигналы о больном состоянии мировых финансов были зафиксированы еще в эпоху американского президента Рейгана. Но главное, что мы должны понимать – это непреложный факт, что не финансовые спекуляции являются причиной кризиса мира либерализма, из которого ему уже не выйти в привычном качестве «передовой идеологии прогрессивного мира». Основной нерв кризиса современного либерального мира не связан напрямую ни с экономикой, ни с финансами. Финансовый и экономический кризисы лишь обнажили, для многих очень неожиданно, те смертельные язвы на теле современного человечества, которые до поры были не видны за драпировкой пошлой буржуазной «состоятельности». Кризис современного мира – это кризис духовный и нравственный. Об этом писал наш гениальный мыслитель И.А. Ильин еще в середине прошлого века. Современность ярко продемонстрировала, как прав был наш философ. Сама первопричина современного финансового краха кроется в вопросах нравственности, а

не чистого экономизма. Современная финансовая система, все более отрываясь от реального сектора экономики, приобрела совершенно неэкономический характер вещи в себе. Не вдаваясь в глубокий анализ магии больших чисел современной денежной системы и совершенно оккультного характера отношения к финансам современного человечества в целом, укажем на абсолютную ее безнравственность. Современный рынок ценных бумаг оказался эфемерной тканью, сотканной из грубого надувательства и монетаристских предрассудков финансистов. Следствием надувательства оказались огромнейшие финансовые пузыри, которые грозятся обернуться каменными тучами, готовыми рухнуть вниз и погрести под собой всю современную либеральную цивилизацию.

Говоря о перспективах обрушения современного мира, необходимо понять насколько мы являемся его частью, или насколько нам действительно необходимо быть его частью. Важно понять, что для нас является той безусловной ценностью, ради которой не только стоит жить, но и не стыдно умирать.

Наверное, здесь нам необходимо вспомнить, что мы являемся частью исторического сообщества живых, ушедших поколений и поколений будущих, имя которому – народ.

Говоря о народе, научную дефиницию которого мы еще предложим, скажем, что народ есть реальность политической и экономической жизни страны только тогда, когда между людьми сохраняется конкретное и предметное чувство родства.

Это чувство истари базировалось на родовых отношениях, на родовом строе и родовом, неписаном праве наших предков.

Мы не будем сейчас говорить о плюсах и минусах столь долго сохранявшихся в России родовых отношениях. Нас сейчас интересует этот факт как основа нашего национального самосознания. Родословные книги как банк родовой памяти, сама родовая память, передававшаяся через устные семейные предания и традиции, многочисленные, весьма архаичные родственные связи, все это определяло и пронизывало социальную и политическую ткань нашего народа.

Такое сообщество и есть народ в подлинном смысле слова. Залог народного единства, осознаваемого и разделяемого всеми, есть реальное чувство родства с ближними родственниками и сродства с дальними соотечественниками.

Потеряв связь со своими предками, утратив память о дальних родственниках и дальнем родстве, лишившись чувства семейственности, замкнувшись, в конце концов, в себе и в своих «экономических интересах», наш народ перестал быть народом, а вместе с этим перестал быть и полноценным субъектом не только истории, но и пресловутой экономики.

Парадокс – сместив все жизненные акценты в сторону личной экономической выгоды, человек утратил гарантированное право на участие в прибылях национальной экономики! И это не случайно.

Вместе с тем, потеряв глубинную связь с предками, с их духовным миром и мироощущением, связь с родом, по вертикали, что называется, человек утратил и возможность созидать более или менее устойчивые связи по горизонтали!

Нам стало крайне трудно увидеть в своих соседях и сослуживцах дальних сородичей. Но без восстановления такого отношения к окружающим нас людям, без чувства сродности умирает сам народный организм.

Безусловно, в настоящее время эта задача архисложная, учитывая современное влияние инородных анклавов в едином и однородном национальном массиве, которые, волей-неволей вносят свой вклад в эрозию большого народа, учитывая, также, паразитарные и криминальные сообщества, сколоченные по этническому принципу.

В современных условиях кризиса не только мировой экономической системы, но и краха либерального мифа, которые ненадолго пережил миф социалистический, для нашего народа необходима не только экономическая автаркия в рамках единого государственного организма,

но и внутренняя социально-экономическая автаркия, базирующаяся на национальном, т. е. подлинно народном фундаменте.

Но для этого нашему народу необходимо вернуть себе подлинное государство и, для начала, контроль над современными государственными органами власти, преобразовав структуру властных полномочий. Небывалое отчуждение человека от власти необходимо преодолеть.

Что есть сегодняшнее государство и чем должно быть государство в своем исходном понятии?

Чем государство должно быть, мы рассмотрим ниже.

Сейчас скажем, чем оно является в настоящее время.

Известно, что целью государства, в качестве обоснования своего существования, не может быть благо народа. И государство не должно ставить себе в единственную обязанность погоню за мнимым благосостоянием для всех и для каждого. Обоснованием и целью государства должна быть цель исключительно анагогическая.

Государство обязано так структурировать социум, чтобы он максимально отвечал задачам духовного возрастания всех и каждого. Государство это вождь народа на его пути в землю Обетованную. Все остальное, лишь тактические задачи на этом главном пути. И пусть земля эта достижима для христиан только за порогом материального мира, сам путь к ней неминуемо преобразует этот самый мир.

Говоря же о благосостоянии как оправдании властных полномочий государственных структур, отметим, что сегодня благосостояние есть, а завтра кризис, или война, или цунами разрушили его. И что же, государство должно тут же капитулировать и самораспуститься? Очевидно, что это невозможно себе представить. Да и само благосостояние – вещь относительная. Для каждого оно свое.

Многие полагают, что благо граждан вещь конкретная, а вот высшие цели для народа – есть опасные абстракции. Все же с точностью до наоборот. Высшее предназначение государственной власти есть залог того, что сама власть на этом пути не переродится в аппарат обслуживания одной из функций гражданской и национальной жизни сообщества.

В Закрытое Акционерное Общество по продаже ресурсов страны превратилась государственная власть сейчас в России, в погоне за общенародным благом, которое оно видит в качестве назначаемого распорядительным директором этого ЗАО, пайка, каждому по рангу, который определяется «семейственной» близостью к директорату ЗАО.

Между массой людей, которая время от времени, искусственно структурируется в электорат для поддержания видимой легитимности власти этого ЗАО в общегосударственном масштабе, стоит малый народ, который, будучи контрольным органом, оценивающим уровень рвения ЗАО на пути вестернизации человеческих масс в России, выдает ему мандат на цивилизованность, и транслирует массам чувство преданности этому сообществу, буквально, принуждая нас видеть в нем единственно возможную власть на просторах бывшей Российской Империи.

Современный общемировой кризис содрал драпировку псевдогосударственного лоска с властных структур сегодняшней России, и стало очевидно, что «король» голый. А голышом в нашем климате не выжить.

Россия страна снегов и холода. Согреть нас может только родной очаг, который нами утрачен, но мы в силах его вернуть!

Мы будем говорить о родном очаге и о зачарованных, потаенных путях, по которым нам необходимо пройти в поисках отчего крова.

И пусть вас не пугает наше убеждение в том, что только на путях возрождения к традиционной государственной структуре устройства общественной и национальной жизни, имею-

щей свое максимальное выражение в самодержавной монархии, мы видим выход из системного кризиса современной цивилизации.

Нам не раз приходилось слышать самоуверенные и брезгливые отзывы о том, что, мол, монархия в современном мире есть утопия.

Этим «умникам» мы отвечаем, что они родились и прожили большую часть своей жизни в утопическом обществе под названием СССР, которое рухнуло именно из-за своей утопичности и полному несоответствию простому здравому смыслу, по которому жило, живет и, надемся, жить будет человечество. Эти же люди с равной степенью успешности устраивали свой маленький гешефт в совершенно утопичном обществе «Нового мирового порядка» с его лживыми либерально-демократическими ценностями и идеалами, в верность, истинность и неизблемость которых сейчас искренне верят только умственно отсталые люди.

И что же мы видим? Мир утопии рушиться на глазах сам. Не потребовалось ни народовольцев-бомбистов, ни кровавой революции, ни мировых войн. Утопия рушиться, и мы в этой утопии жили, по недоразумению считая ее нормой человеческого бытия.

Нам ли говорить об утопичности священных основ бытия, на которых строилось истинное государство и здоровое общество. Нам ли клеймить свет, лишь по причине того, что наши глаза привыкли к тьме, свыклись с ней и наши умы изошрены на оправдании нашего извращенного состояния и порочных, нежизнеспособных общественно-государственных институтов!

Наша неспособность воспринимать высокие истины, воплощать их в дела и поступки, делать их основой общественной и государственной жизни, не делают сами эти истины утопичными. Наша умственная и нравственная деградация делает само наше бытие не просто утопичным, но все более и более призрачным.

А мы все пеняем на зеркало, не замечая, что «рожа крива», крива и безобразна в своей самоуверенности и спеси.

Рассуждение об утопичности традиционных государственных институтов обличает нашу деградацию, но никоим образом не говорит об устаревании форм того, что обладает вневременной, неизменной природой.

Священные основы русской государственности и культуры

*Для полного счастья человеку надо иметь славное отечество.
Симонид Кносский, V в. до Р.Х.*

Этнос и его традиционная культура до сих пор не имеют достаточно точного описания, которое равным образом могло бы удовлетворить как представителя позитивистской науки, так и человека мыслящего метафизически. Определения этноса, традиции, которые, исчерпывающим образом, отразили бы как внешний облик этноса, характеристические особенности его традиции, так и духовный корень указанных явлений, попросту отсутствуют.

Наука довольствуется старыми определениями, весьма поверхностно отображающими указанные предметы нашего интереса, метафизики ограничиваются абстракциями, которые, зачастую, лишают предмет объективных характеристик и низводят его на уровень субъективных представлений.

Между тем, изучая историю этноса, его традиционную культуру, мы вступаем в мир идей, где материалистические характеристики лишь выступают на поверхности массива духовных первооснов, которые заключены в идеи-формы.

Этнос и традиция есть именно идеи-формы в своей глубинной природе.

В основе каждого стиля или направления в архитектуре, в живописи лежит определенная идея, которая при своем наиболее чистом воплощении образует неповторимый стиль, отливаясь в определенную форму. Форма – это ритм и пропорция, которые могут быть выражены или описаны числовыми показателями. Сами эти показатели в системе идеи сопряжены с высшими духовными смыслами и превоформами.

Каждый стиль есть носитель определенной идеи, нашедшей наиболее органическую и единственно верную форму своего материального воплощения. Смешение стилей, эклектика, есть смешение идей. Такое смешение ведет к упадку в любой отрасли традиционной культуры, в которой эклектика становится допустимой. Идеи живут в чистых формах и неминуемо исчезают в плавильных котлах смешения стилей и уровней.

Идея, как и стиль – это иерархия смыслов, код которых ломается в результате смешения с иными идеями и смыслами, превращаясь в метафизическую бессмыслицу. Смешение – это потеря качества, заменяемого произвольно количеством.

Этнос – есть тоже идея-форма, данная нам Свыше. Религиозная философия постулировала факт, что народы есть мысли Бога.

Господь, как сказано в Писании, будет судить народы, а это значит, что народ как сверхличность не просто существует, но и коллективно вменяем, так как именно коллективно будет подвержен суду.

Идея народа, безусловно, находит и определенные формы своего материального выражения, будь то в области религии, культуры, мировоззрения, и биологии, конечно.

И здесь, для нашего исследования необходимо, с некоторым опережением дать определение этноса и традиции как таковой, в силу того, что именно эти два важнейших фактора цивилизационной жизни человечества и составят предмет нашего дальнейшего исследования.

Народ как этническая общность есть четко очерченная группа людей, которая отличается от других групп уникальным и неповторимым комплексом совокупных и сопряженных духовных, психологических, языковых, культурных и антропологических признаков, члены которой имеют и солидарно разделяют общее самоназвание, говорят на одном языке, наследуют общие элементы культуры, обладают еди-

ным историческим мифом, устойчивой и преемственной исторической памятью об общем происхождении, ассоциируют себя с определенной географической территорией и природно-ландшафтной зоной исторического обитания, определенной социальной и исторически обусловленной стратификацией, часто имеют свое государство или бывают включены в одно, реже несколько государственных образований, имеют общую религию, или имели ее в историческом прошлом, обладают чувством солидарности, базирующемся на инстинктивном осознании родства, основанном на визуально и психологически определяемом типическом сходстве и обладают определенным набором наследственных, устойчивых, повторяющихся, генетических параметров.

Как биологическое сообщество, народ связан единством своего происхождения на определенной исторической территории. Своей особой биологической природой народ соотносится с определенной человеческой расой как разновидность с общим видом. Его историческое становление осуществляется по линии: семья – род – фратрия – племя – племенной союз – народность – народ – нация.

Этнос, как понятие, не может быть всего лишь интеллектуальным конструктом элиты, транслируемым в массы в виде навязанных представлений о политическом социальном мире, для достижения определенных целей, доподлинно известных только вышеозначенной элите.

Национальность – это общность самосознания членов коллектива, которая базируется на групповой биологической, духовной и культурной особенности группы, имеющая четкие объективные границы вне зависимости от объективизации этих представлений каждым индивидуально или на групповом уровне, даже на вершине социальной пирамиды. В этом ее сущность.

Если национальность определяется только навязанным конструктом или связана с собственными предпочтениями индивидуума, то столь субъективная оценка этноса делает вообще невозможной дать объективное научное определение национальности человека, а потому глубоко антинаучно. Ввиду того, что народы значительно долговечней исторических формаций, государственных образований и даже цивилизаций, мы вправе утверждать, что и объяснение этих исторических феноменов должно осуществляться через призму этничности, но никак не наоборот, что является характерным свойством искусственных конструктов. Рабовладельческий строй, феодализм, капитализм, социализм, неолиберализм, тирании, республики, монархии сменяют друг друга на фоне сложившегося до них этноса, который вполне способен пережить все эти смены исторических эпох и форм правления, оставаясь самим собой. Этнос – есть более древняя и более устойчивая форма организации человеческого коллектива, чем политические, цивилизационные и гражданские формы, становление которого уходит не только в седую древность, но и связано с источником, превышающим человеческое разумение.

Если же говорить о высшей, на сегодняшний момент, исторической форме существования этноса – нации, то формообразующий этнос может быть как ядром нации, так и целиком представлять собой моноэтническую историческую общность в границах единого государства, являясь монолитной государствообразующей единицей.

Необходимо постулировать, что нация – это группа людей, занимающая определенную историческую территорию, имеющая один разговорный язык. Нация может быть поликонфессиональна, но в рамках единой большой религиозной системы (христианство или индуизм, например). Нация, как и этнос, может отличаться устойчивыми и повторяющимися в потомках физическими и психическими свойствами и непременно складывается в едином государственном организме, со всеми вытекающими отсюда характеристиками единых политических, культурных и экономических интересов людей, составляющих нацию. Государство же всегда есть продукт исторического наследия одного государствообразующего этноса, который и составляет, как правило, ядро исторической нации.

Эти условия необходимые, но не достаточные. Народ становится нацией тогда, когда одновременно становится носителем универсальной для всего человечества и неповторимой идеи.

Отечественный философ Николай Бердяев писал: «В нацию входят не только человеческие поколения, но также камни церквей, дворцов и усадеб, могильные плиты, старые рукописи и книги, и чтобы понять волю нации, нужно услышать эти камни, прочесть истлевшие страницы... В воле нации говорят не только живые, но и умершие, говорит великое прошлое и загадочное будущее...»

Итак, по Бердяеву, нация – это и храмы, и кладбища, и усадьбы, и библиотеки, и иконы, и картины, национальная архитектура – совокупное культурное наследие, вырастающее из духовной традиции. Причем в архитектуре, живописи (особенно в иконописи) и музыке этнос запечатлевает с особенной яркостью свои духовные и психологические особенности, свой лик.

Таким образом, мы приходим к тому, что неотъемлемым свойством этноса и нации в целом есть функция – носителя определенной духовной и культурной традиции.

Традиция – это система взаимосопряженной государственной, политической, культурной и хозяйственной деятельности человеческого коллектива, его семейных и бытовых особенностей и преданий, система, органически вырастающая из корневой основы народной жизни, которая не просто прослеживается в продолжительный исторический период, но и дает ясные примеры реализации духовных, нравственных установок и идеалов, находящих свое высшее воплощение в религиозной системе этноса.

Именно в традиции обнаруживается константа поведенческих мотиваций этноса во всех сферах его жизнедеятельности. Именно в традиционной системе ценностей скрыты ключи к пониманию кодов и символов традиционной культуры народа.

Традиция имеет прямое отношение к познавательной способности индивидуума. Всякое истинное знание структурно по природе. Любой акт познания будет таковым, только если он методологически структурирован. Традиция есть система целостная и структурированная. Познание в рамках традиции, непосредственное познание самой традиции с необходимостью должны исходить из этого постулата. Акт познания должен иметь целостный характер, так как нечто целостное может сообщаться без ущерба только целостному. Однако отвлеченной структурированности недостаточно для познания в рамках традиции, где фундаментальные знания вообще непередаваемы вербально, но требуют определенного мистического опыта познающего, определенной интуитивной подготовленности и одаренности.

В рамках традиции чистый рассудок без сил души не дает и не может дать целостного интегрального знания. Но это вовсе не значит, что постижение традиции должно вовсе обходиться без рассудочных схем и позитивного опытного познания, которые есть важные и неустранимые звенья всей системы традиции.

Звенья традиции скреплены таким образом, что устранение одного звена ведет к ломке всей цепочки взаимных связей и сопряженных смыслов. Все компоненты традиции неотделимы друг от друга. Незнание традиции в целом, пренебрежение ее частями, ведет к отходу от нее, что влечет за собой разрыв связи с национальной культурой и утрату понимания ее смысловых символов и ключей.

Функция хранителя определенной традиции есть дополнительная и необходимая дефиниция исторического этноса.

Духовная составляющая этноса есть его становой хребет, который не поддается дефиниции в терминах позитивистской науки, но это вовсе не означает, что реальность его весьма условна. Эта реальность дана нам в ощущении, в сверхрациональном познавательном акте.

Чтобы быть, например, русским человеком, в истинном смысле этнической принадлежности, а не только в смысле культурного и социально-политического позиционирования себя в гражданском обществе, то недостаточно родиться от русских родителей и говорить на русском языке. Стать русским, как, впрочем, и человеком любой другой национальности – значит не просто изучать духовное и культурное наследие своего народа, но важнее всего для индивидуума научиться жить в духовной и культурно-исторической традиции своего народа, освоить и усвоить национальный духовный акт. А это, в свою очередь, означает возможность читать и понимать ее священные символы, данные прикровенно, открывающиеся духовному взору через приобщение к священным основам нашей этнической истории, культуры и государственности.

Русскому народу очень близка и понятна мистика земли, мистика истории. Мистическая связь с землей, мистическое восстановление связи с духом предков, витающих в борах и рощах на полях над озерной гладью, мистическая связь с Родиной, одухотворенная чувством прекрасного, восстанавливается через любовь к родной истории, природе, земле и ее памятникам.

Но любовь эта не есть праздное любопытство к интересным или живописным местам родной земли, к голым фактам канвы исторических событий. Любовь, которая восстанавливает прерванную нить мистической связи поколений, есть любовь священного характера, а потому она не есть плод исключительно человеческого произволения.

Государства, как и великие культуры, идут к закату и гибнут, когда заканчивается духовная инспирация, религиозно осознанная идея их бытия, угасает в народе религиозно осознанная избранность себя как носителя духовной миссии, вера в свое духовное призвание и избранничество. Религия, как система верований, имеет своим основанием не только священное знание, основанное на Писании и Предании, но и опирается на глубинные духовные пласты традиции этноса, находящие свое оформление в исконной вере.

История народов – политическая, культурная, духовная – все есть продукт народной веры. Последняя, влияя на характер, и сама преобразовывается под влиянием народного характера. Именно характер народа, его вера – вот составляющие его исторической судьбы. Вера – вот тот ключ, который открывает истинные врата познания и приобщения к мистической связи поколений, к истоку вневременной традиции. Характер, народа, тысячелетие воспитываемый в определенной религиозной системе, в своей основе неизменим, и именно по этой причине история народа обладает закономерной преемственностью даже тогда, когда сам народ, потеряв веру и связь с традицией, перестает осознавать закономерности своих исторических побед или, что бывает гораздо чаще, своих исторических поражений и падений. Обретя эту священную связь, человек обретает не только утраченное понимание священных первооснов своей жизни, но и способность по-настоящему любить то, что окружало его предков, что окружает нас самих в этом мире.

Обращаясь к сокровенным, глубинным аспектам русской традиции, нас будет интересовать в первую очередь именно аспект веры как формообразующей субстанции для этноса и его культуры. А в рамках культуры самое пристальное внимание наше будет уделено архитектуре и ее национальным особенностям, что далеко не случайно.

«Россия, – справедливо заявляет выдающийся исследователь русского искусства Игорь Грабарь в своей «Истории русского искусства», – по преимуществу страна зодчих. Чутье пропорции, понимание силуэта, декоративный инстинкт, изобразительность форм наводят на мысль о совершенно исключительной одаренности русского народа».

Даниил Андреев в «Розе Мира» дает позитивно ясное и одновременно глубоко одухотворенное видение роли архитектуры в истории Руси, в истории ее исторического паломничества от крещенских вод Днепра до града Небесного: «...В то время, как национальная духовная интуиция во многих других метакультурах выражала свое знание о бытии ... преимущественно на языке легенд, Россия начинает выражать духовное знание о своем небесном первообразе

и двойнике – России Небесной – на языке другого искусства: зодчества. С XI до XVIII века все очаги русской духовной и особенно религиозной жизни с поражающей нас последовательностью стремятся к развитию, совершенствованию и повторению одного и того же образа. Это архитектурный ансамбль, осью которого является белый кристалл – белый собор с золотыми куполами и столпообразной колокольной, вокруг него сонм часовенок и малых церквей, часто многоцветных, но почти всегда златоглавых; далее – палаты, службы и жилые хоромы и, наконец, кольцо могучих защитных стен с башнями. У их подножия – излучина реки.

Этот мотив возникает над Днепром в начале XI столетия, сейчас же повторяется над Волховом, а затем варианты его начинают множиться: во Пскове, Смоленске, Владимире, Переяславле, Чернигове, Ростове, Коломне, Нижнем Новгороде, Устюге, в Троице-Сергиеве, в больших и малых городах и совсем без городов, во множестве монастырей и кремлей; в следующие эпохи он достигнет своего апофеоза в Кремле Московском.

Над этим стоит задуматься. Вряд ли увенчалась бы успехом попытка исчерпывающе объяснить это явление одними соображениями военно-политическими, техническими, даже общекультурными. Другие страны, расположенные в сходных географических условиях, в эпоху тех же феодальных отношений и, если можно так выразиться, в схожих религиозных климатах, создали, однако, совсем другие художественно-мистические символы, другие эстетические образцы и, в частности, архитектурные каноны. Архитектурный ансамбль вообще далеко не везде перерос в первенствующий символ, в синтетическое отражение трансмифа, в каменное подобие «Града взыскуемого». В такой символ он перерос в Египте и Вавилоне, в Индии и некоторых странах буддизма, в Афинах, но этого не случилось ни в Иране, ни в Японии, ни в североиндейской культуре, и даже о таковом значении средневековых аббатств можно говорить только с натяжкой. Очевидно, мы имеем здесь дело с фактом иррациональным, может быть с духовным вкусом сверхнарода. Корни же духовного вкуса уходят в неисследимые его глубины, к закономерностям, связующим сверхнарод с надстоящей над ним второй реальностью».

Нет ничего более удивительного, чем этот факт. Народ, строивший государство в суровом климате, на земле лишенной больших и доступных залежей каменного строительного материала, в условиях катастрофических перепадов температуры, что наиболее разрушительно именно для каменных построек, народ, который на протяжении всей своей истории испытывал нехватку рабочих рук для ведения хозяйства и обеспечения себя жизненно необходимыми продуктами, этот народ создал не только самое огромное, по размерам, государство человеческой истории, но и свою самобытную каменную архитектуру, гораздо раньше многих европейских наций, живших в более благоприятных географических условиях. Если же говорить о традициях деревянной архитектуры, то тут Русь достигла абсолютных вершин, которые с ней не может разделить ни один народ в мире.

Архитектура, и, особенно, сакральная архитектура, представляет собой в совершенно определенном смысле икону в камне и дереве. В архитектурной форме культовых памятников, в особенностях градостроительных принципов, да и в гражданской архитектуре, этнос в овеществленных, окаменевших формах запечатлевает свой неповторимый духовный облик.

В архитектуре же заключена и особая цифровая система пропорциональных закономерностей, которые являют собой определенную математическую модель, используемую при описании сакрального пространства и мироздания в целом. Известные с глубокой древности нумерологические знания о числовом выражении определенных пропорциональных закономерностях мироустройства в христианской традиции были воцерковлены, будучи очищенными от пантеистического балласта в горниле Священного Предания.

Формы архитектуры, ее пропорциональные закономерности, в силу вышеуказанных причин, сопряженные с духовным складом народа, с его верой и культурой, уходящей корнями в священные глубины традиции, имеют освященные этой же самой традицией незыблемые кано-

нические закономерности своего выражения. При этом мы не должны понимать под каноном только или преимущественно некий юридическо-нормативный акт, обязательный к исполнению. Канон есть мера некой формы, началом своим имеющая священный прототип или первообраз. Соблюдение священной меры дает ощущение не только внешней красоты, но и позволяет через зрительное восприятие пропорциональных закономерностей постичь нечто, что не всегда доступно прямой рассудочности, но что от этого не становится менее реальным. Без этой священной меры само понятие прекрасного будет неотделимо от пошлой экстравагантности.

Именно через эту священную мерность, непостижимая красота и таинственная мистика открываются даже непосвященному, но открытому и честному духовному взору соотечественника или иностранца в русских памятниках, в русском народном характере, в христианской культуре вообще.

Европейский гость Виконт Дарленкур так описывал свои впечатления от увиденного им храма Василия Блаженного: «Как изобразить это здание, самое непостижимое и чудное, какое только может произвести воображение человека».

Английский писатель Пристли свидетельствовал: «Русские отнюдь не ординарные европейцы или (и это присущая всем ошибка) восточные люди. Они – русские, народ суровых восточных равнин, раса сосредоточенных людей, твердых и в то же время мечтательных... (которые) полагают, что они обладают исключительной, ни с чем не схожей и, возможно, мистической судьбой».

Немецкий комендант города Валдая во время войны подметил: «(народ русский) оставил во мне впечатление чего-то великого и таинственного по скрытой в нем непонятной силе».

Поразительная сила воображения, таинственная сила воли и характера, мистическая судьба нашего народа есть внешние свойства-символы, свидетельствующие миру о принадлежности его к священному первоисточнику этих даров, к православной вере.

Но есть и еще одна тайна не только нашего народа, но и любого народа, не потерявшего связь со своей священной традицией. Это мистическая связь с предками, которая вечно омолаживает национальные духовные и творческие силы.

В одной из своих работ, а именно «Унтерменши, морлоки или русские», замечательный русский публицист Борис Башилов приводит один свой разговор, состоявшийся еще в Сталинской России до войны: «Я навсегда запомнил то, что мне говорил в дни моей юности шаман племени селькупов Ямру Окатетто, устами которого вещала народная мудрость, жизненный опыт бесчисленных поколений: «Только большевики хотят быстро все делать. Кто им не верит, тех убивают... Глупый ум, злое сердце. Большевики думают – всегда будут жить. Они долго жить не будут. Они только о живых думают, о мертвых забыли. А в душе каждого живого – тысячи мертвых живут. Все, кто жил до нас. Мертвых больше, чем живых. Телом умерли, а душой в наших душах живут. Мы так хотим делать, по-своему, а умершие предки против идут, серчают. Говорят: «Разве мы все дураки были? Почему все по-своему хотите делать?». Только большевики и дураки не знают, что мертвые повелевают живыми. Мы не замечаем этого, а делаем так, как умершие предки делали. Как они, радуемся, как они, плачем, как они, ненавидим. Все – как они делаем. Нам только кажется, что мы все по-своему делаем. Большевики убьют много людей, друг в друга стрелять будут и ничего не сделают. Только большевики да дураки думают, что сделают. Живых убить можно, а как мертвых убить? Предков, которые в душе каждого живут?». Я вспомнил эти слова шамана Ямру Окатетто, когда прочитал в одном из сочинений Гоголя: «Мертвецы также вмешиваются в дела наши и действуют вместе с нами». Я был страшно поражен своим открытием. Тем, что великий писатель великого народа и неграмотный шаман племени селькупов думали одинаково. Позже я понял, что тот, кто пьет воду из источника народной мудрости, накопленной за тысячелетия, не только равен тому, кто питается плодами отвлеченной книжной мудрости, а иногда и выше их».

Изучение истории предков, умение взглянуть на вещи их глазами превращается из простой, «научной любознательности» в настоящее таинство, в священный акт приобщения к вечно живой народной душе к ее творческим энергиям и волевым импульсам.

Само изучение истории должно носить инициатический характер и рождать живое, всеобъемлющее трепетно-священное чувство сопричастности с прошлым своего народа, чувства, без которого не возникнет и сопричастности национальному будущему.

В связи с этим, необходимо понимать, что существует определенная система допуска к тайне Русской истории, к священным основам ее государственности, культуры, национального становления и жизни.

Такая система допуска предусматривает, помимо прочего, посвящение в знания цифрового кода нашей традиции, имеющего исторически устойчивую форму, выраженного числовыми показателями пропорциональных закономерностей культовых памятников национальной архитектуры.

Именно этим обусловлено наше особое внимание к памятникам христианского церковного зодчества, которые сохраняют для нас возможность быть посвященными в мистерию национальной традиции, обрести ключи к ее знакам и символам. Эти знания позволяют нам постичь священные закономерности, ритмы нашей исторической жизни, усвоить верный духовный акт постижения и приобщения к национальному историческому мифу.

Важно четко себе представлять, что человек вообще не живет, не существует в религиозной, культурной, социальной, политической, экономической, семейно-бытовой, наконец, среде без мифов, структурирующих его поведенческие мотивации, позволяющих ему занимать определенную этическую позицию.

В безмифической среде нет человека, нет человечества. Миф – духовный кислород его бытия.

Но, зачастую, на место подлинных, сакральных мифов, человек создает мифические суррогаты, часто в обертке последних достижений позитивной науки. Человек начинает насыщать свою естественную мифологическую среду обитания суррогатами политических и научных доктрин.

Чего стоит только теория происхождения жизни на земле после большого взрыва во вселенной, который разделяется многими в ученом мире. Удивительно, как это вообще может укладываться в рамки позитивного знания, когда совершенно ясно, что взрыв есть явление хаотизации, разрушения. Каким образом из хаоса вдруг возникает упорядоченный космос, да еще в результате его усугубления посредством разрушительного эффекта спонтанного взрыва материи, ни один здравомыслящий человек не объяснит. Вера же в эту концепцию большого количества людей лишь ярко свидетельствует о невозможности человека жить вне мифа о зарождении мыслящей жизни. Но, когда утрачено священное знание о первоначалах, в вакуум мифологического сознания человека проникают лжемифы.

Даже если предположить, что взрыв в хаосе доводит сам хаос до того предела, где он превращается в свою противоположность, или разлетевшиеся элементы спонтанно сцепляясь вдруг создают некую систему, то и тогда, с точки зрения математической закономерности, таких взрывов должно быть огромное количество.

Эта концепция с очевидностью свидетельствует, сколь убогим и непоследовательным стало наше «научное» сознание в связи с утратой мифологического мышления предков, с утратой священного знания.

Великий мыслитель Густав Лебон утверждал, что народ как биологическое сообщество, должен рассматриваться как существо постоянное, живущее вне времени. Это постоянное существо состоит не только из живых индивидуумов, которые его составляют, но из целого ряда поколений, которые были его предками. Чтобы понять истинное значение народа, увидеть его исторический лик, нужно его изучить одинаково и в настоящем и в прошлом. Только так

можно заглянуть в его будущее. Более многочисленнее, чем живые, мертвые бесконечно могущественнее и мудрее живых. Они управляют громадной областью нашего бессознательного, той неведомой областью, которая держит под своей властью все проявления нашей жизни, разума и характера. Народ в большей мере ведется по путям истории своими покойниками, чем живыми. Зная это, народ способен к поступательному развитию своих сил и способностей. Игнорируя этот факт, народ может лишь создавать разрушительные «научные» химеры, которые далеко не безобидны, как показал минувший век, когда человечество заплатило за свою наивную веру во всемогущество науки и прогресса в отрыве от Творца и традиции, миллионами человеческих жизней и небывалыми страданиями.

Изучая последовательно различные факторы, способные воздействовать на умственный склад народов, можно утверждать, что они действуют на дополнительные и временные стороны характера, но почти совсем не затрагивают его основных, базовых элементов или затрагивают их лишь после наследственных, весьма медленных накоплений.

Из того, что предшествует, мы не можем заключить, что психологические признаки народов способны к изменениям, подобно признакам анатомическим, они обладают очень большой устойчивостью. Вследствие этой-то устойчивости душа народа изменяется так медленно в течение столетий. Только по наружности народ сразу преобразовывает свой язык, свое устройство, свои верования и искусства. Чтобы на самом деле выполнить такие перемены, пришлось бы совершенно преобразовать его душу, что человеческим силам не доступно.

Несмотря на тектонические сдвиги в мире, происшедшие в минувшем веке, народы остаются все теми же неповторимыми и уникальными субъектами мировой драмы, какими исследователь их застаёт на заре истории.

Густав Лебон отмечал: «Нужно также вспомнить – и этот пункт весьма существенный, – что в нашем психическом строении мы все обладаем известными возможностями характера, которым обстоятельства не всегда доставляют случай обнаружиться. Когда они возникают, то возникает тотчас же и новая личность, более или менее, так сказать, временная. Так и в эпохи больших религиозных и политических переворотов наблюдаются моментальные превращения характера такого рода, что кажется, будто нравы, идеи, поведение – словом, все меняется. Действительно, все изменилось, как на поверхности озера, взбаламученного бурей. Но редко случается, чтобы это было надолго».

Прогремят бури кризисов, политических, экономических и финансовых, и вдруг выяснится, что в глубине священных вод универсума действуют все те же древние духовные течения, энергии и силы, чьими выразителями являются те же древние и вечные субъекты мировой истории – народы земли.

Нравственное и духовное, а за этим только и экономическое возрождение народа возможно только тогда, когда он установит прерванную духовную связь с национальным прошлым, с предками, чья жизнь и знания не являются чем-то безвозвратно ушедшим.

Возрождение русского народа, да и других народов, населяющих Россию не в попытках тем или иным образом изменить существующую экономическую модель, которая есть лишь продолжение определенной мифологемы, чуждой традиционным ценностям европейской культуры, но исключительно в приобщении к святым и органическим идеалам исторического прошлого, к традиции предков, к духу их. Без этого приобщения вера в «светлое будущее» есть лишь примитивное суеверие, если не чудовищное заблуждение.

Россия истинная, настоящая, Россия-идея воспрянет только тогда, когда у подавляющего большинства нашего народа будет верное и глубоко благоговейное отношение к своему великому прошлому, к священным знаниям нашей этнической истории и традиционной культуры, к наследию предков.

В противном случае, Россия останется политическим недоразумением, страной, не выполнившей своей исторической задачи, которую, в лице своих духовных и политических

вождей, она верно осознавала и четко формулировала. Эта историческая миссия не отменена ни революциями, ни экономическими и финансовыми потрясениями в мире.

Выход из системного кризиса, в котором находится современная цивилизация, базирующаяся на западных ценностях либерализма, для нашей страны единственно возможный и жизненно необходимый – в возвращении к священным, базисным основам нашего национального бытия.

Книга 1

Отечество

Выход из системного кризиса, в котором находится современная цивилизация, базирующаяся на западных ценностях либерализма, который являет собой охраняемый законом произвол, для нашей страны единственно возможный и жизненно необходимый, обретается в возвращении к священным, базисным основам нашего национального бытия.

Ангел русского народа

Национальный путь народов не имманентен и не естественен, он проложен святыми подвижниками, героическими характерами народа, создан ими. История народа – это история его святости и героизма. Из святости и подвига сплетается лучезарное «энергетическое поле», которое упорядочивает вокруг себя движение хаотических частичек отдельных людских судеб народа.

Сегодня, как никогда раньше, человек испытывает насущную потребность в восстановлении подрезанных живительных корней, которые связывают личность с корневой системой предков. Регенерация такого рода возможна только на путях приобщения человека к подлинной истории.

Что же понимать под подлинной историей, и чем она принципиально отличается от истории обычной, от исторической науки последнего столетия.

Для нашей современности, для нашего современника более всего необходима не просто история, как сумма знаний о прошлом, но история-жизнь соборного русского народа, история его подвижников и героев.

Это может прозвучать парадоксально, но история, историческая наука обязана сегодня облечься в одеяния мистики, если ей суждено еще оставаться наукой. Именно в таинстве истории, в сокровенном бытии лежит истинный ее корень, и только он, этот корневой аспект развертывающейся во времени событийной канве есть истинный предмет познания данной научной дисциплины.

В настоящее время всевозможные политические и социологические науки потеряли свойства сильнодействующих, возбуждающих массы средств и потерпели полное фиаско. Рассудочность, голый рационализм, более не имеют романтической привлекательности для молодых бунтарей и лишены ореола непогрешимости для зрелых людей. Рассудочность мешает постижению истории. Рассудок слишком субъективен для постижения объективной реальности священного бытия.

Что же такое история и традиция для большинства людей эпохи потребительской экономики и индустрии наслаждений?

Увы, но это только то, что можно легко выбросить как мусор, за исключением того, что будет признано ликвидным для рынка антиквариатом.

Чем меньшее значение в современной жизни играет национальная культура, тем больше мы слышим призывов охранять культурные ценности. Для кого и для чего? Ценности без их живых носителей, законных обладателей – куча хлама и лома цветных металлов. Национальная культура и история выхолощены и стандартизированы для свободного хождения на рынке услуг и досуга современного пользователя. Они более не огонь народной души, а лишь негорючий материал для развлекательных ребусов, игровых программ, затейливые и не очень, игрушки для убивания времени скучающего обывателя. Познание культуры и истории на традиционных путях позитивизма более не зовут к духовному возрождению личности, к действию и не сопряжены с ними.

Но ведь история и нужна народу как горючий материал для дальнейшего огненного действия, для полноценной творческой, а значит, счастливой, жизни.

Человек по природе своей призван быть творцом подлинных духовных ценностей через культуру, через сам жизненный акт. Без этого он вырождается, а вырождаясь, неизменно страдает.

История нужна нашим сердцам, а не нашему скучающему интеллекту. Сердце, в котором нет воли к становлению личной святости, но которое взирает на дела древних с равнодушным любопытством современного туриста, есть сердце малодушного предателя, который

бежит с поля битвы мировой истории между Светом и тьмой. Пусть это звучит пафосно, но разве можно говорить о таких священных вещах без трепета и оправданного пафоса?

Знание истории, ощущение ее таинственности и притягательной ценности необходимо должны рождают подвижничество, прямое действие! Ничего не выйдет из человека, кто бежит с поля брани, лишь только завидев блеск вражеских клинков. Если с самыми искренними намерениями читать жития святых, но прятать обогащенное этим чтением сердце в размягченное обывательское тело, не испытывать его огнем и не вступать всем сердцем на путь подвижничества, то все прочитанное будет лишь бесполезным знанием «знатока», чье сердце все равно ожиреет от бессмысленности жизни потребителя товаров и знаний.

Когда видишь велеречивых людей и понимаешь, что за их словами никогда не последуют личные действия, бросающие рискованнейший вызов судьбе: «победа или смерть», понимаешь, что сердца человеческие ссохлись до маленьких эгоистических комочков, а мозги увеличились, но, увы, не за счет извилин, а за счет вообще излишнего веса их обладателей. Потребительский рационализм и полное бесчувствие – вот диагноз нашего тяжело больного времени. Человек разучился страдать и радоваться. На его долю осталось притупленно-тягостное и бессмысленное мучение, ощущение которого можно снизить до известного порога погоней за славой, деньгами, приключениями сомнительного свойства, но выдернуть с корнем метафизическую тоску из души современному человеку своими силами уже невозможно.

История должна оберегать наших детей от бесчувственности. Молодежь должна учиться на примерах истории действовать, а значит, и чувствовать всем сердцем, жить всеми силами души и духовного характера. Страдать и возрождаться к светозарной радости. Вот простой и очень сложный рецепт человеческого счастья. Научить этому может и должна священная история народа и шире, всего культурного человечества.

Еще раз подчеркнем, что простое чтение житийной литературы или исторических манускриптов, без восприятия их прикровенной огненной природы, есть пустопорожнее занятие. Владению оружием никогда не обучишься лишь со стороны, наблюдая, как это делают другие. Мы должны научиться жить в самом центре истории, а не на ее обочине, научиться творить историю, что под силу только развитым духовным характерам. История – это ратное поле борьбы высших идей и идеалов, где идея и действие сопряжены и взаимообусловлены.

Недооценивать силу идеи, ее влияние на историю стало сейчас общим местом современной науки. Экономизм современного мышления сковал человеческий интеллект, обеднил его и затруднил подлинное восприятие действительности.

Но по сути это не меняет объективный характер вещей и идей. Вне религиозного контекста мы вообще, по большому счету, лишены возможности давать верные оценочные характеристики политическим событиям, экономике современности, социологическим проблемам, новым идеям. Впрочем, это не всегда и требуется.

Ряд мыслителей, например, считали, что идея ценна только тем, как широко и долго она действует, а вовсе не тем, что она «правильна», «хороша» и т. д. . . . Все это – только чад по отношению к реальности ее как идеи-силы. «Выравнивать, отличать, составлять, использовать, уничтожать или подрывать «гипнотический потенциал», которым обладают различные идеи – это высшее, невидимое, опасное искусство господства, которое следует рассматривать как область «магии» в высшем смысле этого слова», – полагал яркий философ минувшего столетия Юлиус Эвола. Он же продолжал ту же мысль следующим дополнением: «...Исключительно наивным следует считать все те течения, которые ратуют только за действие и считают все идейные конфликты и любую работу с идеями пустой тратой времени, ...такая установка, даже с точки зрения самого действия, является абстрактной и недостаточной. Хладнокровный властелин, пробуждающий идеи-силы, в первой же схватке выбьет таких апологетов чистого действия из седла, отняв и направив против них же самих ту силу, которая их поддерживала».

Нельзя забывать, что идеи «нации» и «отечества» содержат в себе трансцендентное начало, не имеющие никакого отношения к категории случайности. Господство идеи в народе основывается исключительно на строго определенной иерархии ценностей, принадлежащих области исключительно религиозной. Необходимо понять, что глубина идеи-силы зависит от того, кто эту идею утверждает. Не идея дает индивидууму или этносу силу, но они действуют друг на друга взаимообразно. Личность, а тем более личность соборная, народ, придают идее особую ценность, силу и оправданность. Такое понимание влияния идеи на общество сродни воззрениям древних ариев Индостана на универсальный космический закон «ṛta», который упорядочивает микро– и макрокосмосы, но и сам нуждается в ритуальной практике почитания со стороны благородных ариев, которая является инструментом не только поддержания универсального космического закона, но и укрепления и усиления его.

Крайне необходимо, чтобы идея-сила стала областью знания самых широких слоев населения. На сегодняшний день именно в этой области существует определенный кризис, кризис восприятия идеалов духовного величия у современного человека.

Как деньги являются реальностью безразличной по отношению к качеству индивидуума, его нравственному состоянию, который ими обладает, так же дело обстоит у современных людей и со «знанием», которое всегда оценивается только через призму капитализации. Подчиняясь навязанному равенству, антииерархической нетерпимости и уравниловке современных жизненных стандартов, следовательно, воле, навязывающей социалистические предрассудки, знание европейцев с необходимостью должно быть обращено к тому, в чем действительность индивидуального различия и обусловленности, активная индивидуальная дифференциация сведена к минимуму, а адаптированность знания к современным мифам рынка и либерализма к максимуму. Поэтому обычно в первую очередь апеллируют к физическому опыту, приблизительно одинаковому у всех людей, постольку, поскольку они являются «человеческими животными» («позитивистская» наука) или к миру абстракций и вербальных условностей (философия и рационализм). Социализация знания с необходимостью привела к возникновению таких абстракций, и они создали непреодолимую пропасть между самим знанием и жизнью, между мыслью, бытием и тем, что является качеством явления и «метафизической» реальностью.

Западная мысль, будучи сведена до инструмента, описывающего условную, наиболее внешнюю, общекосмическую и однообразную сторону материальных вещей, превратилась сейчас в созидательницу ирреальности, «наглядно представляемых» слов и пустых логических схем, даже там, где она еще не полностью растворилась в псевдоинтеллектуальном спорте эффектных парадоксов. Отсюда вся ирреальность современного духа: отделенный от жизни, человек сегодня – это только тень, мечущаяся между схемами, программами, котировками биржевых индексов, курсами валют и интеллектуальными надстройками, неспособными подготовить его к реальности и к самой жизни, не говоря уже о вечности, перспективы которой он уже и не видит.

«И в то же время, он становится все более зависимым от науки, ведущей от абстракции к абстракции и являющейся рабой феноменологических законов, которые открыты, но не поняты, которые полностью исчерпываются описанием механической поверхности и не открывают никаких других возможностей, не несут в себе никаких ценностей для внутреннего бытия человека», – предупреждал Эвола.

Такое «знание» способствовало тому, что мы выпали из потока живого и одухотворяющего мифа Истории. Мы выпали из тайны и оказались страшно убогими существами, с ограниченным кругом примитивнейших интересов. Только исход из материалистического плена позволит нам обрести обетованную землю Истории.

Не только наша отечественная школа правой мысли, берущая начало свое в ранних славянофилах, но и традиционалистская школа Запада согласны в том, что: предпосылкой материалистической науки служит в действительности то, что наука – в смысле реального, позитив-

ного, материального знания, находящего свое оправдание в повторяющихся закономерностях его величества эксперимента – компетентна только в физических вещах. Применительно к тому, что не является чисто физическим феноменом, не может быть никакой науки, в позитивистском смысле. Научные методы тут абсолютно неприменимы, и наука описывает эти феномены только в силу своей собственной некомпетентности, благодаря порочной вере, мертвым и произвольным абстракциям философии или сентиментальным и «моралистическим» разглагольствованиям.

Духовная чуткость и мудрость ушли из области «знания». Внутреннее, прямое, интегральное знание заменилось убогим и поверхностным внешним, интеллектуальным, дискурсивно-научным и чисто профаническим коллекционированием фактов. Органическая, бытийная связь людей с областью сакрального, что было естественным для традиционного общества, сменилась на поверхностные, опосредованные человеческим участием отношения машин и техники.

В действительности же историческая наука не может всецело принадлежать миру «знания», она не имеет большого количества точек непосредственного касания с миром материи. История не может быть «просто наукой» в рационалистическом смысле понятия. Это наука особая, священная наука для человека, способная обучить его не только ориентироваться, но и жить в мире живого мифа, в мире тайн. И одна из первых тайн, которая открывается ищущему сердцу, – это мистическая жизнь не только духа, но и вещей в живом потоке истории, где все подлинное остается вечно молодым и востребованным, будучи неподвластным линейному времени, прямо воздействуя и организуя его, хотя мы этого часто и не замечаем.

Такова мистическая сила традиции. Один из примеров такой жизни вещей в потоке традиционной истории мы возьмем из живой традиции Японии, страны, подвергшейся сильнейшему влиянию антитрадиционного мира, но сохранившей свое традиционное лицо, пусть и путем некоторых компромиссов. Самый яркий пример можно увидеть в способе возведения деревянного храмового комплекса Исэ-дзингу в Японии. Со времени создания его перестраивали 59 раз каждые 20 лет, и каждый раз вновь отстроенный комплекс становится оригиналом; в тот момент, когда оригинал уничтожается, его судьба вручается копии, и копия сама закономерно становится оригиналом.

В Индии возводятся новейшие храмы, в них строятся алтари, описанные в древнейших гимнах Ригведы из современных строительных материалов, но никогда и никто не почувствует, что это всего лишь «новострой», пошлая художественная реплика под древность. Древность действительно живет в этих новых постройках так же естественно, как и в седых храмах. Традиция дышит в новых зданиях не просто древностью и стариной, но вечностью, через вечность приобщая современность древней истории. Уникальность культурной категории периодической перестройки Исэ-дзингу и непосредственно передаваемой традиционной преемственности этого комплекса станет очевидной, если сравнить его с мучительными поисками первоисточков исследователей древней истории, которым приходится при изучении греческой античности полагаться на скульптурные копии времен Римской империи.

Традиционная преемственность культуры сохранялась и в России до революции, сохраняется фрагментарно и сейчас в сферах нашего духа, нашей прародительской веры. Но во вновь возводимых храмах уже чувствуется иной стиль, стиль рыночной эпохи, чувствуется имитация и искусственность. Неужели нить традиции прервана? Величественные пирамиды в мусульманском Египте, развалины, сохранившиеся в Греции, где не осталось настоящих эллинов, являются мертвой красотой, лишенной своего внутреннего содержания, своей сущности, своей порождающей творческой силы. Эти развалины не могут никого посвятить в мир ушедшего духа, приоткрыть завес сокровенной сути мертвой цивилизации. Ощущение продолжения культурной жизни от греческих развалин, сразу скажем, ложное ощущение, является при-

вилегией западноевропейских народов, которые, вкушая геномодифицированные плоды эпохи Возрождения, обманываются, думая, что вкушают от настоящей греческой смоковницы.

Только возрождение истинной истории может уберечь нас сейчас от разрыва до предела истонченной нити русской традиции. Наши души мистическим образом преобразуют историческое время и вещи, принадлежащие ему. Оживут наши души в лучах традиции, оживет и станет вечной и прекрасной древностью все вокруг нас. В противном случае мы будем жить не среди говорящих нашим сердцам памятников героических эпох, а среди молчаливых и ненужных развалин.

Суровым фактом является то, что для защиты отечественной истории и культуры необходима сила, применяемая и для защиты Родины от врагов. Необходима грубая и мощная сила, которая должна исходить от самого творца и охранителя своей истории и культуры – русского народа. В этом голом факте скрыта настоящая мудрость, которой обучает человека история. Мысль о том, что все конкретные действия и способы защиты истории и культуры непременно должны быть мирными и компромиссными, является общим культурническим суеверием, разновидностью отрицательной женской логики, доминирующей в современном, деградирующем мире. Подлинная история только тогда становится полноценной составляющей культурной и политической жизни народа, когда становится историософией.

Историософия – это путь обретения мудрости и силы, силы духовной и физической державного этноса. Она должна всецело укорениться в нашем сознании, быть неотъемлемой частью нашей национальной культуры, как это было всегда в нашей древней истории.

Обретение исконных корней, истари питавших нашу национальную культуру – вот задача действительно исторического масштаба.

История должна быть погружена в культуру народа. И культура эта должна быть не музейным экспонатом, а образом жизни. Повышать культурный уровень нации – значит делать красивым и праведным дух и стиль повседневной жизни индивида и всего народа. Культура, наравне с историей, должна возвращать нам чувство утраченное, чувство таинственности мироздания.

История, истинная история, познанная как живая связь культурной традиции, удивительным, непостижимым образом оживляет и одухотворяет даже обычный пейзаж, делая его особым национально-природным ландшафтом. Самый невзрачный, с художественной точки зрения, пейзаж может привести человека в состояние душевного трепета, а, иногда, и духовного восторга, если взирая на него через призму знания родной истории, национально-культурной значимости этого места, городка, деревни. Тени прошлого вдруг становятся зримыми и придают непередаваемый аромат вечности и священной значимости таким потаенным местам, затерянным уголкам российской глубинки, находящим отныне вечный приют в наших сердцах.

В душе человека, исторические воспоминания способны произвести настоящий переворот, когда окружающая нас природа также будто не просто оживает, но приобретает какие то неведомые нам свойства сопричастности чему то священному, таинственному и предвечному. Душа молодеет, раскрывается, и ключиком к такому раскрытию души является подлинно сказочная и, одновременно, реальная родная история. Ведь и сама родная природа, минуя наше «рацио», говорит столь много человеческому сердцу. И таковы все пейзажи, отмеченные печалью славы, трагедии или тайны отечественной истории. Деревья и травы этих мест как вечные листки природной летописи, которая доносит до нас тот же шорох листьев, цветов и разнотравья, что и тогда в далеком, ароматном, медовом прошлом, пьянящим наши души несказанной очарованностью.

Обрести родную природу в контексте собственной истории культуры значит сделать ее частью своей души. В этом единении с тварным миром мы должны научиться постигать величие Божьего Творения нас ради свершенного. В этом кроется удивительная тайна несказанной

радости, дарованной нам для действительно прекрасной жизни. Природа, красота и родная история есть вещи связанные воедино сокровенными, до конца непостижимыми, связями.

Сила Воскресения России таится в глубине нашей истории, скрыта от ненужного и преждевременного расточительства в водах Светлояра. Природа скрыла от нас до времени в чарующем пейзаже лесного озера главную тайну нашей истории.

И раскроется она тем поколениям русских людей, которые возьмут на себя послушание, громадный труд и святую обязанность стать великими и весомыми на весах Истории.

Великий человек раскрывается в действии далеко от помышлений о личной сиюминутной выгоде. Тогда он достигает уровня неизмеримо большего и прекрасного. История учительница для великих душ – вот ее роль.

Истина истории заложенная в красоте, не обретаема усилием одной только рациональной мысли. Историческая истина – это интуитивная истина. Истина возникает в глубине творческого сердца как внезапный преображающий изнутри энергетический поток.

Люди тщеславно превозносят логическую истину, отрицая интуитивную как не более чем выдумку поэтов. Однако именно интуитивная истина обретается, когда мы отстраняемся от собственного ограниченного «я» и становимся едиными с тем, что пытаемся постичь. Мы сливаемся с непостижимым и видим уже не сами, а как бы «глазами Бога» при допущении возможности такого видения, исходя из исторических свидетельств о подвижниках благочестия.

Вполне может быть, придет время, когда людей совершенно не будет интересовать философия Канта и Гегеля, но произведения Гомера, Гете, Шекспира и Пушкина будут передаваться из поколения в поколение и почитаться зеркалами человеческой души. Поэзия всегда вернее и чутче простого летописания, и намного важнее для понимания истории. «Задонщина» передает нам истину о Куликовской битве с большим проникновением в суть эпохального события, чем сухие строки летописаний о том же событии.

Суммируя все вышесказанное, видим, что ощущение священо-прекрасного должно рождаться в душе от соприкосновения с родной историей. Сама же красота есть интуитивная истина, превосходящая интеллектуальную проницательность, о чем нам красноречиво говорит наш неброский, но пронзительно красивый, до боли и слез, русский пейзаж.

Ощущение гармонии и музыкального ритма, вот что рождает в человеке прикосновение к сокровищам подлинных мифов.

Не случайно мифы и легенды народов всегда и непременно дышат непринужденной эпической красотой, облекаясь в формы высокой поэзии, которая одна способна пронести через столетие послание, содержащие духовные сокровища, накопленные предками и столь необходимые их потомкам.

Мифологический текст

Миф, легенда – аккумулярованный опыт наших предков. И опыт этот передается поколениям не в виде «памятки для пользователя», но как наследие высочайшего поэтического вдохновения предков.

Память, наследие и ... поэзия. Случайно ли, что современное человечество одновременно потеряло все три драгоценных дара. Верю, что по поводу истинной поэзии со мной не будут спорить. Ее давно уже нет как элемента живой культуры. Она дана нам в наследии предков. В беспомысленности мы потеряли и большую часть наследия. А что же память?

В последнее время в Европе часто говорят о том, что у современного белого человечества стала удивительно короткая память. Люди охвачены лихорадкой прогресса и потребительской гонимостью и отходят с каждым годом все дальше и дальше от накопленного за многие тысячелетия опыта, теряют запас знаний коллективной памяти, передающейся от предков нам посредством генной памяти, памяти крови, «коллективным бессознательным».

Закономерен вопрос, а можно ли полностью разрушить этот запас, хранящийся в глубинах наших душ. Полностью, слава Богу, невозможно. Глубина народной памяти измеряется тысячелетиями.

Нам крайне важно понять, оценить отражение в национальной культуре опыта прошедших поколений с их представлениями о глубинных основах бытия.

Совершенно справедливо мнение, что тот не понимает настоящего, кто не имеет правильного представления о прошедшем. Однако возникает законное сомнение: неужели можно познать незримое прошлое, не поняв зримого настоящего. Противоречие снимается пониманием того, что и прошлое и настоящее находятся в самой непрерывной и живой связи.

Изучение овеществленных памятников истории должно начинаться с изучением живой духовной жизни этноса, вернее с участия в этой духовной жизни, которая теплилась и теплится в самых недрах народной жизни. Там, в неведомых глубинах народного духа, жива истинная Русь, живо еще отношение к Родине как к святыне, которая требует от жизни ее истинных детей не только подвига служения, но и жертвы.

В индийском, древнем литературном памятнике Бхагаватгите есть одна замечательная мысль, близкая православному пониманию цели человеческой жизни, цели народа как субъекта истории.

Если в христианстве жизнь человека и этноса воспринимается как служение и, даже глубже, – священнодействие, то в Бхагаватгите человеческая жизнь воспринимается как символическое жертвоприношение.

Да, пожалуй, и все исторические народы воспринимают цель своего бытия как некое жертвенное служение определенной священной истине, которая необязательно сразу проговаривается и четко формулируется в культурном и политическом тексте. Но каким-то непостижимым образом, идея эта ими опознается интуитивно и властно побуждает к действию, часто выражаемому в строительстве империи, и непременно священной. Неисторические народы живут исключительно биологической жизнью и в священном смысле собственной, значимой в общечеловеческом масштабе истории, не имеют.

Только трепет перед святыней рождает великие народы. Только восхищение и преклонение перед священным рождает в среде народа святых героев и истинных мыслителей. Без этого нет исторических этносов. Святыня как корень всех ценностей есть неперемное условие исторического бытия великих наций. Вокруг святыни у великих народов древности и современности строится вся их общественная, государственная и частная жизнь. Познанию святыни посвящены труды истинных мыслителей такого народа.

Народ, объединенный святыней, вокруг святыни порождает мыслителей, о которых впоследствии будут писать кандидатские и докторские диссертации. Если у народа, несмотря на самые страшные исторические неудачи и падения, есть такие мыслители, то это значит – народ еще жив для истории. Если нация порождает только огромное количество докторов и кандидатов, изучающих чужие идеи, тогда это верный признак того, что она умирает.

Восточная мысль уверяет, что знание и действие должны быть едины. Если я знаю, но не действую – я не знаю. А если мое знание не опирается на ценностные установки, если я живу не ради того, ради чего только и стоит умирать, если я на каждом шагу вижу интеллектуальные альтернативы знанию единому, значит, я далек от истины, так как она всегда одна и безальтернативна.

А коли я все время не имею твердого и единого убеждения, то как же я могу в принципе действовать. Все мои попытки двинуться вперед будут происходить по известной схеме – шаг вперед, два шага назад. Без истинного знания и веры в святыню мы обречены на бездействие и духовное вырождение.

Знание очень многих современных академиков докторов и кандидатов, взвешивающих «за» и «против», видящих все полноту истины раздробленно, привыкших мыслить «плюралистически», «политкорректно», не уверенных в конечном продукте своей умственной работы, пряча свою несостоятельность за авторитет предшественников из того же научного цеха, – все это есть интеллектуальная мастурбация, где понятие «интеллектуальная» вполне условно применяется, из вежливости к читателю.

Историческая нация обязана противопоставлять текучести и временной изменчивости современной псевдоинтеллектуальной тенденции рационалистического постижения бытия как суммы разрозненных явлений, жесткий стержень своей внутренней цельной духовной жизни. Историческая наука обязана воспринимать мир в его священном единстве, постигать его «синтетически» в его неделимой симфонической целостности, данной нам именно в мифе. Историческая наука современности должна отвечать как эстетическим критериям искусства, так и сложившимся нормам классической рационалистической науки, но только в той мере, в какой эти нормы и критерии эти не начинают диктовать свои принципы упрощения и односторонности.

Наш гениальный мыслитель А.С. Хомяков считал, что для подлинного понимания исторических процессов важно учитывать системообразующую роль таких цепочек как: **отдельный человек, семья, род, отец и мать, дети и взрослые**. И параллельную ей, состоящую из следующих категорий, понятийную цепь: **племя, народ, вера, история, Церковь, Бог**.

Взаимосвязь подобных категорий определялась с этической точки зрения следующим образом: «Не верю я любви к народу того, кто чужд семье, и нет любви к человечеству в том, кто чужд народу», – писал Хомяков. Отыскивая корни нашей самобытности, неповторимости исторической жизни в прошлом, он, также, писал: «Старина русская была сокровище неисчерпаемое всякой правды и всякого добра... картина оригинальной красоты общества, соединяющего патриархальность быта областного с глубоким смыслом государства, представляющего нравственное и христианское лицо». В этой старине, в ее преданиях и хранится для нас сокровище мифа, зашифрованного и сокрытого от профанного восприятия и поверхностных позитивистских трактовок.

Глубокий метафизический смысл христианского государства пронизывал все поры русского исторического общества и не имеет аналогий в мировой истории. Конечно, сама идея государства рождена и философски осмыслена в Элладе и Риме и освящена Христовой верой в Константинополе. Но вот идея максимально возможного на земле построения божественного града – идея, ставшая идеалом национальной государственности, – плод исторических исканий русского народа.

Главный вклад в общечеловеческую сокровищницу – уникальный для мировой истории государственный опыт устройства Святой Руси. В этом опыте сфокусированы главные особенности нашего народа, его стихии, древние и преображенные, обрели органический синтез. В нем же сокрыт главный ключ к постижению национального исторического и государственного мифа, о чем будет сказано ниже.

Два русла духовной истории человечества

Крайне важными для понимания всей мировой истории и нашего русского народа является историософская система, которую предложил гениальнейший мыслитель, наш соотечественник, знаменитый славянофил А.С. Хомякова, и которая пережила испытание временем и новейших исторических потрясений.

Современный исследователь наследия ведущего идеолога славянофилов В.А. Кошелев следующим образом обобщает мысли А.С. Хомякова, нашедшие отражение во многих его философских трудах: «Из трех возможных «разделений человечества» («по племенам», «по государствам» и «по верам») наиболее значимым оказывается последнее, – но для того, чтобы понять веру народа во всех ее аспектах, необходимо изучение первичного этапа «народознания»: «племени», концентрирующего «физиологию» данного народа. Анализируя первоначальные движения племен, А.С. Хомяков приходит к выводу: «Каждый народ имел свою исключительную страсть... то есть был одностихиен».

«Стихия» народа относится к его психологическому складу. Но нас будет интересовать и иной аспект народного лица в самом прямом, а не только в расширительном смысле слова.

Обратим внимание на физиологию народа. Этот аспект традиционно отсутствует в советской академической историографии или представлен крайне невыразительно. А ведь эта научная категория имеет все основания считаться важной в формировании характера этноса и, зачастую, определяет его историческую судьбу.

Славянское племя, заселившее негостеприимные просторы севера Восточной Европы, его антропология в самом расширительном значении этого слова, вот еще одна из первостепеннейших тем всестороннего изучения для нашей современной исторической науки. И принципиально важно отметить, что первым эту задачу поставил и начал решать именно Хомяков в своей глубочайшей работе, по достоинству не оцененной, – «Семирамиде».

Но самое потрясающее в хомяковском наследии вот что.

А.А. Кошелев пишет об этом: «Рассматривая «исключительную страсть» древних народов, Хомяков выделяет две антиномичные стихии, определявшие облик первоначального существования людей на земле: «народы завоевательные» и «народы земледельческие». В дальнейшем развитии своем эта антиномия осложнилась множеством вариантов, но развитие всемирной истории Хомяков мыслит как своеобразную реализацию драматического конфликта двух противоположных духовных «начал». При этом начало, связанное со стихией «земледельческой», он именуется иранством (т. е. арийством. – *Авт.*), а противоположное ему «завоевательное» начало – кушитством. Духовная история человечества предстает как многовариантная борьба «иранства» и «кушитства». При этом Хомяков вовсе не накладывает на выявленную антиномию событийную канву всемирной истории и антиномия «иранство» – «кушитство» вовсе не строится по однолинейному принципу: «хорошее» – «плохое».

Здесь мы обязаны внести некоторые уточнения. Накопление новых научных знаний выявило важные факты, которые заставляют уточнить схему Хомякова, но не отменяют ее в корневой части. Дело в том, что исторические арийские народы были не столько земледельцами, сколько скотоводами. Даже древние славяне, вопреки устоявшемуся в науке мнению, вовсе не были чистыми земледельцами, скотоводство играло огромную, подчас основную, роль в их хозяйстве.

Если говорить о завоеваниях, то и здесь арийские народы не имеют в истории себе равных. А восточные славяне, о чьем тихом и миролюбивом нраве было модно говорить во времена Хомякова, создали величайшую в мировой истории империю, далеко не всегда только мирной распашкой степей и тайги. Кроме того, мы, на протяжении тысячелетия, обладали луч-

шей среди всех европейских народов армией, что как-то уж старно для совсем миролюбивых земледельцев.

Однако духовные доминанты выявлены Хомяковым удивительно точно. Только термин «земледельческие», необходимо заменить на термин «производящие», а термин «завоевательные» – на «паразитирующие».

Тогда все встает на свои места, и завоеватели арии в Индии продолжают оставаться и скотоводами и земледельцами и градостроителями и философами, а покоренные туземцы долгое время живут тем, что из джунглей нападают на арийские селения и грабят до тех пор, пока карающий меч производительного народа не ставит предел их хищничеству. Фридрих Шлегель разделял человечество на две генетически враждебные расы: каинитов (выразителей исключительно плотского начала и человеческой воли) и сефитов (представителей божественной воли). Вслед за ним и Хомяков представил антиномию «плотского» и «духовного» в виде исторической драмы. В иранской духовной стихии «символом веры» является божество в виде свободно творящей личности. «Кушитство» противопоставляет этому – стихию необходимости. Соответственно этой антиномичной паре (свобода – необходимость) в кушитских религиях объектом поклонения становится Змей – символ необходимости. Иранская мифология змею враждебна. Победа бога-громовержца над змеем – основной индоевропейский миф. Для христианина змей есть не просто символ хтонических сил. Змей (Дракон) – обладает реальным бытием и есть не кто иной, как первый богоборец. Таким образом, важной категорией кушитства, как духовного начала, есть его принципиальное (осознанное или не осознанное данным этносом на данном историческом отрезке) богоборчество.

В основе кушитских верований древности – поклонение в виде особого «религиозного материализма» «фетишам» веры: молитва воспринимается как данное свыше «заклинание», как магическая формула, влияющая на стихии, обряд прежде всего – «колдовство». В основе иранства – провозглашение свободы веры, бытующей «внутри» каждого человека. Соответственно этому, кушитство, по мнению Хомякова, как духовная константа, вне зависимости от этической дефиниции и этнического разнообразия, особенно ярко проявляется в «материальных» искусствах – живописи и зодчестве; иранство же – в литературе и музыке. Хотя, необходимо признать, что само христианство, впитав в себя многие кушитские элементы через архитектуру и живопись, преобразило их, сделав неотъемлемой частью уже иранской традиции, воскресенной в изначальной чистоте именно христианством.

Стихия кушитства – анализ и рационализм; иранства – синтетическое восприятие нерасчлененного мироздания.

Именно иранская стихия, по мнению Хомякова, является чистой, беспримесной особенностью духовного лица русского племени в начале его истории, и в более поздних проявлениях его культурной жизни.

Он же полагал, что кушитская стихия необходимости породила условную общность людей – государство.

Древнейшие сильные государственные образования действительно были плодами творчества кушитского духа – Вавилон, Египет, Китай, Южная Индия. Однако нельзя не заметить, что принципы государственности самостоятельно зрели и в среде иранских народов. Перед нами пример принципиально разных государственных идей.

Иранская государственность это свободное объединение граждан, изначально родичей. Иранская государственность вырастает из народа-дружины, из свободного воинского объединения с необходимой воинской дисциплиной. Государство на Руси также выросло из дружинного братства.

Необходимо отметить, что сравнительно позднее конечное оформление лика Русской государственности, ее также позднее освещение светом Христовой веры есть несомненный промысел Божий.

Каждому народу назначен от Господа свой срок выхода на основную историческую арену. Нельзя забывать, что объективные условия сложения мощной государственности у древних скифов Поднепровья существовали задолго до Р.Х. Однако времена еще не настали и наши предки еще долго жили на периферии от основного фарватера исторического потока. Но именно эта временная затяжка позволила восточным славянам донести до начала своей активной вовлеченности во всемирный исторический процесс свои изначальные иранские духовные свойства, которыми восторгался А.С. Хомяков и которые были во многом утеряны другими индоевропейскими народами.

А.С. Хомяков был уверен, что при наличии в иранстве примеси духовных элементов кушитства, последнее постепенно вытесняет иранскую духовность, как сорняки непременно заглушают на поле колосья. Духовная свобода должна быть абсолютной. Любая уступка кушитству на этом пути ведет к гибели и упадку иранских цивилизаций. Этот процесс Хомяков разбирал на примере упадка Эллады, Рима. Факты истории убеждали его в победе кушитского начала у изначальности иранских народов европейского Севера.

И вот что принципиально важно для нас, русских, вот где главная отгадка нашего исторического призвания: Хомяков совершенно верно указывал, что появление христианства представляло героическую попытку противостояния мировой энтропии кушитства, которое в христианских странах перешло в «логику философских школ», угнездилось в латинской схоластике и распустилось ядовитым цветом в протестантизме. Конфликт между кушитством и иранством, между религией необходимости и религией свободы есть ключ не только ко всей истории христианских народов, но к истории русского народа в особенности, как последнего бастиона иранства в христианском мире. Однако в этом историческом противостоянии А.С. Хомяков рассматривал иранство и кушитство как своеобразные шифры, которые не могут быть сведены ни к категориям рассудочным, ни к понятиям символическим. Постигание этих понятий возможно лишь при апелляции к интуиции, к вере. Именно в этом смысле, по замечанию Л.П. Карсавина, Хомяков «первый вскрыл в религиозном процессе сущность процесса исторического». «Нужна поэзия, чтобы узнать историю», нужна вера, чтобы понять ее.

Понятие «вера» в представлениях А.С. Хомякова намного шире, чем понятие «религия». Именно вера становится концентрированным выражением жизненного духа этноса. Неверующих народов вообще не существует. Именно вера определяла и определяет историческую судьбу народов, формирует «меру просвещения, характер просвещения и источник его».

Хомяков считал, что одностихийные, первобытные народы, начинали свое бытие с первоначальной простоты, но пламенной веры. Вера эта через века оказывалась своеобразным выражением неизменной, до известной степени, национальной психологии. Все дальнейшее ее развитие и даже перемена религии совершается под влиянием этого первоначала. Таким образом, и принятие христианской религии славянорусами несколько не было случайным актом, но обуславливалось всей логикой развития духовных и психологических свойств русского народа. «Христианство, – пишет Хомяков, – при всей его чистоте, при его возвышенности над всякою человеческою личностью, принимает разные виды у славянина, у романца и тевтона».

Происходит это именно по причине того, что индивидуальное духовное лицо этноса формируется в лоне первоначальных верований, которые накладывают свой неповторимый отпечаток на воспринятую позднее совершенную религию. Следовательно, и религия не может рассматриваться только в ее официальной интерпретации. Совокупность народных верований и убеждений может быть понята «единственно по взгляду на всю жизнь народа, на полное его историческое развитие». Именно вера, в общем-то, и формирует народ, определяет не только его историческое духовное лицо, но и, совершенно зримо, отражается на всем его внешнем облике. В этом смысле борьба официальной церкви в России до революции с народными «языческими» пережитками, с внецерковной бытовой обрядностью, была борьбой опасной, борь-

бой против очень древних, фундаментальных, неизменных духовных основ этноса, пусть даже и имевших ветхие одежды прежних языческих суеверий.

И оказалось, что достаточно было убить деревню, повернув ее лицом к буржуазному городу, угробить ее со всеми «религиозными, языческими пережитками», со всем ее комплексом древних дохристианских, зачастую пантеистических воззрений, как и официальная церковь рухнула, буквально провалилась в катакомбы, поучаствовав в «подпиливании того сука», на котором «сидел» весь русский народ.

Дело, видимо, в том, что в пределах одного этноса существует определенная иерархия религиозной жизни, обусловленная неравными духовными и интеллектуальными способностями индивидуумов. Низы этноса живут иногда и суевериями, верхи поднимаются в своей вере до вершин духовного просветления. Низы исповедуют «народную» веру, иногда причудливую смесь языческих и христианских воззрений. Верхи веруют в рамках ортодоксальной догматики. Однако и то и другое является единым и нераздельным духовным организмом этноса, нераздельным, религиозным национальным комплексом. Достаточно извратить или уничтожить одно из двух, и вера народа угаснет, а вскоре угаснет и сам народ, сойдя с исторической дистанции. Возрождение духовной жизни народа, осмысление им себя в истории лежит на путях воссоздания духовности при осознании изначальной сущности этноса, которая может быть уяснена только при учете законов развития и бытия исконной народной веры.

Хомяков писал, что «характер божества более или менее согласуется с характером народа, который ему поклоняется», – следовательно, не только вера создает и формирует народ, но и народ создает веру, причем именно такую, какая соответствует творческим возможностям его духа. Сохранение веры народа есть и вопрос сохранения им своего уникального и неповторимого исторического лица. Потеря веры ведет к обезличиванию этноса, к потере им своего места в историческом потоке, ведет не только к духовной смерти, но и физической. Без веры, без идеала, освященного верой, не может существовать ни одно государство, ни один народ на долговременной основе.

Национальный идеал

Для современной России наибольшую опасность сейчас представляет окончательная утрата не только веры в свое предназначение, в свою историческую миссию, которую мы осознали задолго до официальной формулировки – «Москва – Третий Рим», но и вообще христианской веры, христианского миропонимания. Вернуть эту веру – задача современной национальной исторической науки, которая должна опираться не только на голые факты и материальные останки ушедших эпох.

Чтобы заставить эти факты и обломки прошлого говорить, дать им вторую жизнь, необходима особая интуиция, как способность непосредственного постижения подлинной живой реальности, всегда остающейся в настоящем от ушедших эпох. Интуитивное познание, опирающееся на верный духовный опыт должно стать не только основным способом познания истории, как предмета, но и основным слагаемым того, что составляет главное в предмете познания, – веры!

Обруселый немец Миних, столь много сделавший для величия России, как-то сказал: «Русское государство имеет то преимущество перед другими, что оно управляется самим Богом: иначе невозможно объяснить, как оно существует».

Отражена ли эта мысль в отечественной историософии?

Нельзя сказать, чтобы она полностью игнорировалась православными авторами, но из исторической науки мысль эта безжалостно изгнана. В действительности, мысль эта говорит о центральном нерве всей нашей истории. Мы особые, непохожие на другие народы, Богом водимые по пути истории. Историческая Россия – особое, замкнутое единство, со своей необыкновенной духовной самобытностью и культурной целостностью.

Но в потаенных глубинах этой исторической России сокрыт ее духовный центр, град Китеж.

В этой потаенной России несомненно есть некая спасительная тайна, открываемая исключительно духовному взору. Сокровенная Россия на Русской земле ушла в глубокое подполье, но она жива, исторически жива и чревата будущим чудесным национально-государственным (и не иначе!) восхождением к горнему Граду, который преуготовлен от Века для нее и верных ей.

Приведем замечательные слова архимандрита Константина: «Россия светится в прошлом, Россия грезится в будущем, Россия в каком-то распыленном виде, быть может, зреет и там, внутри. Но как национально-государственного целого в настоящее время – ее нет. То, что составляло живую личность России, утратило связь с национально-государственным ее бытием, Россия испытала то, что бывает с людьми, страдающими помутнением и угасанием сознания, онемением свободной воли. Живая душа уходит в некие глубины, а «видимый» человек делается игральным обдергающей его чужой и враждебной силы».

И как для любого забесовленного человека необходима «отчитка» в Церкви, так и для России необходима «отчитка» ее Священной Историей. В этом необходимый залог и верное средство к духовному оживлению русских людей. Восстановление подлинной, исторической России не есть задача политическая. По крайней мере, на данном историческом отрезке. Сейчас самым прагматическим актом будет погружение именно в мистическую сущность вещей. Только всецелое духовное возрождение России, духовное возрождение и восхождение каждого отдельного русского человека, духовное вызревание воли к национальному пробуждению, приведет к возрождению отечества как исторической сверхличности.

Иного нам не надо. Меньшего – мы не желаем. Россия, несмотря на катастрофу 1917 года, не выпала полностью из истории как обособленный субъект мировой истории. Россия утратила свой первообраз, но сохранила в потаенных глубинах свой дух.

Иеромонах Дионисий (Алферов) с верою утверждает: «... история России после 1917 года и поражения Белого движения реально продолжалась в Зарубежье и в «потаенной России», в тех русских людях, которые не только умом, но и своим произволением не признавали богоборческую власть, и даже живя под владычеством этой власти, терпели ее, но не служили ей». Они сохранили семя будущей России, России исторической. Однако Россия будущего будет иной. Она не будет механически повторять ни Русь Московскую, ни Россию Петербургскую. История есть поток, и она движется вперед. И Россия нас ждет впереди новая, но она будет все той же вечной исторической Россией. И наша святая реставрация должна начаться не с сегодняшнего дня. Отнюдь. Начинать стройку нашего Будущего мы должны из прошлого, прямо с того самого момента, когда Родина наша впала в глубокий духовный обморок, ушла в небытие. Прерванный ход Истории можно единственно возобновить на путях революционного духовного обновления. Мы – Третий Рим и четвертому уж не бывать. Это значит, что эсхатологическая перспектива человечества, ее сроки всецело зависят от возвращения или невозвращения в мир истории России в образе Православного Царства!

Сколько раз в истории казалось, что Русь Святая рухнула окончательно. После Смутного времени, после двусмысленной «революции» Петра Великого Русь не просто ожила, но и чуть было не расцвела прекрасным неизвестным цветом во времена царствования последнего Святого Императора. И опять взрыв, временная воронка, черная дыра исторического провала. И опять Господь являет нам свою волю через чудесное оживление Святой Руси. И опять, о чудо, то здесь, то там, в сердцах и душах оживает наш священный идеал, будто невидимой золотой сокровенной нитью история соединяет сердца избранных, оживляя дух народа.

Философ Эвола надеялся, что непознанные нами силы способны оживить сердца избранных, пробудить их волю, волю тех, в ком не умер окончательно древний дух арийской расы, о которой он мыслил, в точном соответствии с мыслями А.С. Хомякова, в основном не в плотских, а в духовных категориях.

Мы же говорим о пробуждении тех, чьи сердца соединяет сокровенная нить истории, оживляющая в нас источник духа и нерушимой веры в вечную молодость солнечно-лучезарной Святой Руси, которая была, есть и будет нашей великой национальной, религиозной идеей!

Духовные стражи народов

Священное Писание свидетельствует: «Когда Всевышний давал уделы народам и расселял сынов человеческих, тогда поставил пределы народов по числу Ангелов Божиих» (Втор.32, 8.). Мысль эта, для понимания этнической истории человечества крайне важна. Совершенно определено, что число исторических народов изначально четко определено числом Ангелов-хранителей. Народы эти существуют от начала истории, но не всем дано дожить до ее конца. И не все народы являются историческими. Исторические народы только те, которые промыслены Господом и получили в охранители Ангела Господня. Вне этого замысла осуществляется самовольное и «несанкционированное» этнотворчество, носящее противленческий, апостасийный, по своей природе, характер. Политическое созидание новых народов и буржуазных этногосударственных образований XIX–XX веков есть вызов отпавшего человечества замыслу Божию о народах. Новые национальные единицы не имеют Божьего благословения, не имеют Ангела своего народа, не имеют исторического и сверхисторического будущего. Они не только явные символы апостасийных процессов, но и активнейшие участники последних. Первым это отметил наш гениальнейший мыслитель К.Н. Леонтьев, когда писал о мировой революции и национализме.

Искусственное возвращение их вносил и вносит поистине сатанинский хаос в древний космос гармонии народов Божиих. Примеров таких много. Распад Австро-Венгерской империи сказывается на Балканах до сих пор. Новые национальности в битве за свои национальные государствообразования не щадят ни своей, ни чужой крови. А в итоге мы имеем огромное количество в Европе карликовых государств, которые кроме провинциального копирования чужих государственных систем и политических институтов вообще не способны ни на какой творческий акт. Крах империй и образование на их месте буржуазных государств есть не эволюция и не прогресс, а деградация человечества, его культуры, его социальной стратификации.

Для России таковыми бациллами разложения единого и священного этнического организма являются самостийные попытки созидания украинской и белорусской наций, казачий сепаратизм и великорусский автономизм, ведущие к разрыву тела единого Русского народа, имеющего своего Ангела-хранителя с момента крещения в водах Днепра, но появившегося вместе с остальными народами в начале истории как народ, отвечающий определенному замыслу Всевышнего.

«Народы есть мысли Бога», – сказал некогда философ Гердер. И православное сознание нисколько не должно смущаться этой несколько «пантеистической» по форме, но не таковой по глубинному смыслу, сентенцией.

Святой Григорий Богослов учит: «...мы должны верить, что есть Промысл все содержащий и все связывающий в мире: ибо для тех существ, для которых необходим Творец, необходим вместе и Промыслитель; иначе мир, носимый случаем, как вихрем корабль, должен бы был, по причине беспорядочных движений вещества, мгновенно разрушиться, рассыпаться и возвратиться в первоначальный хаос и неустройство. Мы должны также верить, что наш Творец или Зиждитель (все равно тем ли, или другим именем назовешь Его) особенным образом печется о нашей участи...».

И нет никаких сомнений в том, что многие народы были вызваны к жизни не случайно, но с определенной (определенной тем же Промыслом), целью, которая и есть, по Гердеру, «мысль Бога»... Народ – священная этноединица в историческом поле, но лишь постольку, поскольку он сохраняет свою сопряженность с Божественным промыслом о судьбах земли, поскольку не переходит границы, назначенные для него Всевышним.

Дабы соблюдать народы в поставленных им «пределах», к каждой нации приставлен свой Ангел-народоводитель, коему вверена к соблюдению «мысль Бога» о данном народе».

Еще раз отметим, что определенная сакральность национального бытия относится только к тем этносам, чье происхождение носит печать Божественного Промысла, что делает такой народ «органическим» и «законным» в лице Всевышнего.

Есть ли у нас инструмент, с помощью которого мы можем сами, определить является ли та или другая нация «органичной» и «законной». Такой инструмент у нас есть. Национальная идея народа не есть продукт его исторической мысли и суммы волевых устремлений. Идея народа исходит не из его недр, но вложена в него его Творцом.

Русская идея – есть, без сомнений, идея «вложенная» в нас от нашей древней национальной колыбели, но несколько не замысленная усилиями национальных мыслителей, но лишь по-особому, с разной степенью, обусловленной субъективными факторами, раскрываемая ими. Идея «украинская» есть интеллектуальный выверт малороссийской, отпавшей от истинной Церкви, интеллигенции, хронически мучимой ею же и порожденным в качестве побочного продукта собственных этнофантазий чувством национальной неполноценности. И чувство то это верное, оно от Бога. Это острое чувство греха непростительного самоволия и предательства своей национальной и духовной сущности, чувство, подавляемое еще большим упорством на путях болезненного самостийничества.

Украинство, белоруссомания, казакомания и народившийся совсем уж недавно великоруссизм – это разные формы одной и той же болезни – апостасии, отпадения от матери-церкви и от отца-народа в грех созидания идолов новых национальностей с выдуманной историей.

Мы – единый русский народ, с разными историческими судьбами, которые были уготованы разным его частям, судьбами, которые, однако, не отменяют, но, зачастую, еще больше свидетельствуют о нашем единстве в сверхисторической судьбе. Все, кто не желает с этим мириться, становятся в полном смысле безродными, историческими беспризорниками, максимум на что способными, так это на создание неустойчивых анархических республик, чья парадигма получила законченное политическое оформление в деятельности батьки Махно. Политические события на современной Украине тому ярчайший пример.

Наличие вложенной Свыше в этнос промыслительной идеи, запечатленной особым духовным складом народа и выраженной в житиях его святых подвижников, в деяниях его политических вождей и героев, в его сокровенных сказаниях и есть тот познавательный инструмент, та лакмусовая бумажка, по которой мы вправе судить об историчности или антиисторичности народов.

О нашей исторической зрелости

Говоря о нашем народе, нельзя не коснуться давнего спора: стар ли наш этнос или молод? Ответить на этот вопрос действительно не просто. В качестве этноединицы наш этнос очень стар, и до сих пор сохраняет устойчивые признаки непосредственной преемственности к древним славянским племенам Восточной Европы, по которым она распознается как единый субъект в историческом времени.

Мы древнейший народ Европы, по крайней мере. Древности нашей главный свидетель Священное писание и Священное предание Церкви.

Именно на основании этих боговдохновенных источников нашей духовной жизни и исторического познания древние византийские историки выводили наше родство с древними скифами Европы, которых древние эллины, наравне с египтянами, причисляли к самым древним народам мира.

Но, с другой стороны, мы как предызбранный Богом народ – очень молоды. Как этноединица мы сформировались очень давно. Как народ Божий, Новый Израиль, мы созданы самим Господом через Святое Крещение в водах Днепра и стали исторической нацией окончательно с момента четко осознанной миссии хранителя истинной веры до конца времен. Послание старца Филофея о Третьем Риме – вот начало бытия русской нации.

Как скифы, мы идем по истории из глубины веков, и предки наши оспаривали право древности у самих египтян. Мы очень древний народ по непрерывности генетической преемственности к самым древним насельникам Русской равнины со времен палеолита, и по прямому происхождению от старших сыновей праотца Ноя.

Как христианский этнос, славянорусский, с особой миссией, мы существуем всего тысячу лет. Но и это не главное в нашем национальном бытии.

Самое главное, что в качестве своей исторической завершенности и готовности к той роли, которая отведена для нас в замыслах Всевышнего, в качестве не плотской этноединицы, и даже не духовной личности, а в совокупности всех необходимых характеристик, свойственных как человеку, так и народу, как личности исторической, как субъекту, долженствующему предстать именно общенародно на суд Господа нашего, как особый национально-государственный и православный организм, где государственность является аналогией душевно-психических свойств индивидуума, как Третий Рим, в его политической завершенности и осознанием своей миссии всем народом, нам всего пятьсот лет.

Мы молоды по незавершенности нашей священной исторической миссии, по незаконченности наших государственных и социальных форм национального бытия. И в этом смысле мы моложе всех исторических народов земли. Но наша историческая антиномия, двойственность: «молодость-старость» требует от нас понимания того непреложного факта, что нам в действительности необходимо постоянное, все новое и новое, внутренне обновление, которое только и может гарантировать наше единство и спасти нас от самостийных расколов. И здесь уместно еще раз сказать об апостасийном вызревании новых народностей, которые не вырастают на некоем новом этническом «материале», но прямо откалываются от уже существующих исторических народов. Эти новые этнообразования, а в нашем случае, нас, прежде всего, интересуют попытки создания белорусской и украинской народностей, вырвав «этноматериал» из тела единого русского народа, изначально являются внеисторическими, как мы уже сказали выше, руководствуясь определенным богословским посылом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.